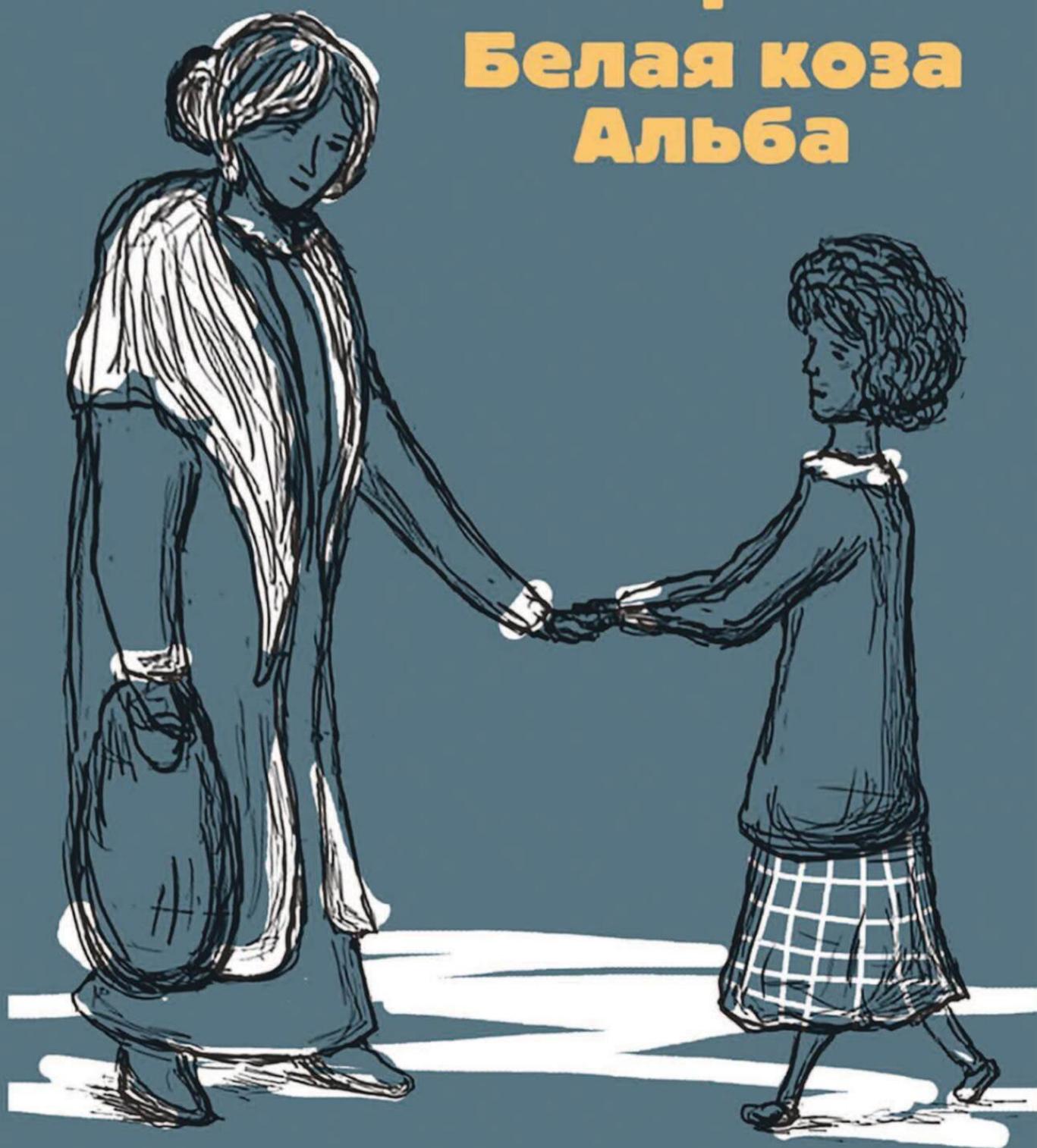

Нина Артюхова

Светлана
■
Белая коза
Альба

Изд-во «ДАРЪ»

Нина Артюхова
Светлана. Белая коза Альба

ТД "Белый город"

1990

УДК 821.161.1-93
ББК 83.84(2=411.2)52-44

Артюхова Н. М.

Светлана. Белая коза Альба / Н. М. Артюхова — ТД "Белый город", 1990

ISBN 978-5-485-00668-6

В сборник известной детской писательницы Нины Михайловны Артюховой (1901–1990 гг.) вошли две повести – «Светлана» и «Белая коза Альба». Обе написаны в первые послевоенные годы. В них рассказывается о судьбе детей-подростков, переживших войну, их жизни, учебе, становлении характера, взрослении. Потеря всех близких заставляет героев обеих повестей особенно трепетно относиться к семейным ценностям. Благодаря равнодушию к их судьбе взрослым, они вырастают активными, любящими и по-настоящему хорошими людьми. При этом дети начинают играть значительную роль в жизни взрослых и, в конечном итоге, и к тем и к другим приходит осознание необходимости друг другу. Война предстает исключительно как великое зло, ломающее судьбы не только взрослых, но, что самое страшное, и детей. И только благодаря любви и взаимной поддержке герои строят свою новую жизнь, в которой совершенно недетские проблемы переплетаются с обычными для подростка переживаниями и радостями. Книга будет, несомненно, интересна широкому кругу читателей, в том числе школьникам среднего и старшего возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 83.84(2=411.2)52-44

ISBN 978-5-485-00668-6

© Аргюхова Н. М., 1990

© ТД "Белый город", 1990

Содержание

Светлана	7
I	7
II	10
III	11
IV	15
V	19
VI	22
VII	25
VIII	29
IX	32
X	35
XI	38
XII	42
XIII	44
XIV	47
XV	50
XVI	52
XVII	56
XVIII	58
XIX	61
XX	63
XXI	70
XXII	72
XXIII	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Нина Михайловна Артюхова

Светлана. Белая коза Альба

© Артюхова Н.М. (наследники), текст, 2021

© Горшкова Н.С., иллюстрации, 2021

© Издательство «Дарь», 2021

© ООО ТД «Белый город», 2021

Светлана

I

– И почему это все Гали – беленькие, а чуть Светлана – черная, как галчонок?

Девочка молча подняла на капитана огромные черные, без улыбки, глаза.

Странная маленькая фигурка. На вид – лет десять, не больше. А глаза старше, гораздо старше. Платье слишком короткое, давно из него выросла. Сверху надета вязаная старушечья кофта с какими-то необычными пуговицами. Она слишком широка и длинна, доходит почти до подола платья. К этой нелепой кофте аккуратно подшит белый отложной воротничок. Крупнокудрявые волосы – как широкая черная папаха над худеньким лицом.

Капитан придвинул к столу табуретку и сел. В избе ни одного целого стекла. За окнами кое-где еще дымятся кучи пепла и обгорелых бревен. Фронт уже передвинулся далеко на запад, деревня стала глубоким тылом – деревня или то, что осталось от нее... Около уцелевшего здания школы – санитарные машины и сестры в белых халатах. Пожарище зарастет, дома отстроятся... Но эти детские глаза без улыбки!

Хозяйка поставила на стол чугунок с картошкой и тихо сказала:

– Кушайте, касатики... Больше вас угостить нечем.

Морщинистое лицо, бледно-голубые, будто вылинявшие от слез глаза...

– Спасибо, мать, – ответил капитан. – Садись, мы тоже угощать будем. Ну-ка, Федя, чем сегодня богат? Подсаживайся, Ромашов.

Лейтенант с черными усиками сел на скамью у окна, молоденький белобрысый ординарец наклонился к вещевому мешку.

На столе появились консервы и сахар, толсто нарезанные хлеб и колбаса.

Капитан сделал приглашающий жест.

Хозяйка сказала:

– Спасибо вам... товарищи!

Она как-то особенно бережно выговорила это слово. Капитан опять повернулся к Феде:

– Сладкого, сладкого дай! Ведь у нас шоколад был... Светлана, где же ты?

Но девочка, покосившись на стол, уже выскользнула из комнаты и стояла на крыльце, обхватив тоненькой рукой деревянные перила. Федя с запасом провизии в руках вышел вслед за ней и уселся на верхней ступеньке крыльца.

– Садись сюда! – Он показал на ступеньку рядом. – Мы, товарищ капитан, здесь поужинаем. На свежем воздухе.

– Стеснительная она, – сказала хозяйка.

Капитан спросил:

– Внучка?

– Нет, – понизив голос, ответила хозяйка. – Ее мать учительницей у нас... была. А отца еще в сорок первом году... на фронте.

– У себя оставите?

– Не знаю, как и быть. Сами видите, какая у нас жизнь. Я все хвораю. Да и учиться ей надо.

– В детский дом нужно устроить.

– Вот и я ей говорила: придут наши...

– Странное дело, – сказал Ромашов, глядя в окно, – как будто мы сегодня в тылу и на отдыхе, а с Лебедевым уже что-то приключилось – успел в медсанбате побывать.

– Какой Лебедев? – удивился капитан. – Наш Костя? Так ведь он в штаб пошел, за документами.

Молодой белокурый офицер со свежей повязкой на руке шел, чуть заметно прихрамывая, через улицу от дверей школы. Федя вскочил со ступеньки крыльца:

– Товарищ младший лейтенант! Что это с вами?

Костя Лебедев вошел в избу, смущенно улыбаясь.

– Что у тебя с рукой? – спросил капитан.

– Пустяки, товарищ капитан. Возвращался из штаба... Там два домика в лесу стоят, на отлете. И вдруг бегут девушки: «Товарищ военный! У нас в погребе немцы!» Позвал ребят, взяли автоматы, кричим: «Хэнде хох!» Двое вышли, руки подняли, а третий, эсэсовец, гранату бросил.

– Сильно задело?

– Да нет, маленькие осколки.

– Некстати все-таки, перед поездкой. Документы получил?

– Все в порядке, товарищ капитан. – Он вынул бумаги и положил на стол.

– Вот видишь, – сказал капитан, разглядывая документы, – с сегодняшнего дня ты уже не в дивизии. Ты в Москву уехал, нет тебя уже здесь, ясно? Зачем тебя в этот погреб понесло, не могу понять! Без тебя никак не обошлись бы?

Костя опять виновато улыбнулся.

Капитан спросил:

– А с машиной как?

– Утром, в пять часов, заедут за мной.

– Ладно. Садись. Поешь, отдыхай. Советую выспаться.

Хозяйка негромко сказала:

– У нас в избе тоже эсэсовец жил. Офицер ихний.

– Какой же он был? – спросил Ромашов.

– Ничего. Он как-то даже лучше других. Никаких особенных зверств не делал. Спокойный такой...

Она замолчала, будто вспомнив о чем-то очень страшном.

Все смотрели на нее.

– Вот, помню, стоит как-то у крыльца, а на ступеньках Светланка сидела и мальчик соседкин, еще поменьше. А он на них посмотрел и так спокойно-спокойно, даже как будто с жалостью говорит: «А ведь они не будут жить. Они нам не нужны. Нам ваша земля нужна, а люди нам не нужны». И пошел к себе в комендатуру...

Лицо капитана побагровело. Он стукнул по столу сжатым кулаком:

– Врет! Гадина! Фашист! Будут жить наши дети!

Он резко отодвинул табуретку и заходил по комнате.

– Светлана, пойдй сюда! – Быстрым шепотом он сказал Косте: – Костя, будь другом, девчурка тут одна, сирота, отца и мать убили. Захвати ее с собой в Москву, в детский дом устрой... Сделаешь?

Девочка уже вошла в комнату и остановилась около капитана. Он провел рукой по ее волосам:

– Хочешь в Москву поехать, Светлана, в детский дом? Будешь учиться. Вот этот дяденька утром уезжает и тебя отвезет. Нравится он тебе? Поедешь с ним?

Теперь Светлана повернулась к Косте. Она увидела загорелое, румяное, совсем еще мальчишеское лицо и приветливые глаза, светло-карие, с теплыми золотыми искорками.

– Поедешь?

– Поеду.

– Ну и прекрасно! Понравился – значит, все в порядке. – Капитан вынул трубку и чиркнул зажигалкой. – Я пойду пройдусь немного. А потом – спать. Заслужили.

Он вышел на улицу. Федя, стоявший у окна снаружи, сочувственно поглядел ему вслед.

– Расстроился наш капитан, – сказал он хозяйке. – У него у самого жена и дочка неизвестно, живы ли, нет ли. Три года ничего о них не знает.

– Его дочку Галей зовут, и она блондинка? – полувопросительно сказала девочка.

– А ты откуда знаешь? – удивился Ромашов.

– Так. Мне показалось.

– Ишь ты! «Блондинка»! Слова-то какие употребляет! – шутиливо сказал Федя.

Девочка посмотрела на него черными глазами:

– А вы разве этого слова не употребляете?

– Ишь ты! – с добродушным удивлением повторил Федя. – Зубастая, как я погляжу! – Потом сказал: – Что же это ты, Светлана? Я только здесь, на крыльце, заметил: эсэсовца твоего мы прогнали, а пуговицы у тебя на кофточке самые что ни на есть гитлеровские, фашистские!

Светлана молча подошла к комоду, схватила ножницы и с видом сосредоточенной, детской ненависти одну за другой отрезала все пуговицы.

II

Светлана проснулась ночью. Это было очень приятно – проснуться.

Прежде бывало так: увидишь во сне что-нибудь хорошее, а откроешь глаза – и сразу все вспомнится... И хотелось опять заснуть поскорее.

Теперь засыпать не хотелось. На печке было тепло и сухо, не то что в землянке-погребу.

Приятно было слушать дыхание спящих людей, шаги часового за окнами и думать: «Наши!» Это слово привыкли произносить с горячей надеждой, любовью и ожиданием: «Когда наши вернутся...», «Наши идут...», «Наши близко!»

И вот наши здесь, совсем-совсем близко... рядом! Светлана вдруг почувствовала, что в комнате еще кто-то не спит.

На кровати слышалось ровное дыхание. Там лежал капитан. В углу было тоже спокойно, там – Ромашов, тот, с темными усиками, а дальше – Федя. А вот на лавке у окна кто-то вздохнул и перевернулся с боку на бок... Чуть слышно скрипнула доска. Не спит Костя, румяный лейтенант, с которым она завтра поедет в Москву.

Опять скрипнуло что-то, потом шаркнули о пол сапоги – значит, он не лежит, а сидит на лавке.

Осторожно, чтобы не разбудить хозяйку, спавшую рядом, Светлана подползла к краю печки.

В избе было темно: все окна плотно завесили. Но все-таки кое-где в щелки пробивался лунный свет.

Когда глаза немного привыкли к темноте, Светлана увидела, что Костя сидит, согнувшись, обхватив правой, здоровой рукой левую, завязанную, и раскачивается из стороны в сторону, будто баюкает ее. Потом что-то чиркнуло, желтый огонек зажигалки осветил на мгновение лицо, нахмуренное, с плотно сжатыми губами. Огонек погас, осталась только красная точка папиросы. Она беспокойно двигалась зигзагами туда и сюда.

В углу шевельнулся Ромашов, прислушался, тихо сказал:

– Ты что не спишь, Костя?

– Рука что-то разболелась, будь она неладна! – сердитым шепотом ответил Костя.

– Сходил бы в медсанбат.

– Спасибо! Чтоб из-за этой чепухи опять в госпиталь положили? Налезался!

– Еще бы не обидно, – посочувствовал Ромашов, – ни тебе повоевать, ни тебе маму пови-
дать. Осколки-то все вынули?

– А кто их знает! Кажется, все.

Ромашов скоро заснул, а Косте, видимо, неведомо стало сидеть на одном месте. Он вышел в сени, осторожно прикрыв за собой дверь.

Светлана слышала, как на улице его негромко окликнул часовой.

Шаги то удалялись, то приближались к дому.

Кажется, Светлана все-таки задремала. Когда она проснулась опять, Костя уже снова сидел на лавке и курил, поджав под себя ноги, прикрывшись шинелью.

Он отодвинул немного одеяло, висевшее на окне, и смотрел в щель, как будто желая определить, скоро ли наконец начнется рассвет. И все перекладывал большую руку и так и эдак и никак не мог найти удобное положение.

Ш

Шофер открыл дверцу кабины:

– Садитесь, товарищ младший лейтенант!

– Нет, нет, – сказал Костя, – я не один еду, с вами девочка сядет, а я в кузов.

На крыльце Светлана прощалась с хозяйкой, обнимала ее «в последний раз», и еще раз, и «в самый последний»... Несмотря на ранний час, были провожающие. Клетчатый узелок с вещами девочки, совсем легкий вначале, увеличился почти вдвое: каждый из маленьких Светланиных друзей считал своим долгом сунуть ей что-нибудь «на дорогу» или «на память». Капитан нагнулся и поцеловал девочку в лоб:

– Ну, Светлана, счастливо тебе!

Она серьезно ответила:

– И вам тоже.

Капитан протянул Косте руку:

– Так имей в виду, Костя, эту неделю мы еще здесь, а дальше – догоняй!

– Догоню, товарищ капитан! Светлана, садись к шоферу.

Но клетчатый узелок уже полетел в кузов. Светлана подпрыгнула, стала на широкое твердое колесо и с ловкостью мальчишки перемахнула через борт.

– В кабину садись, тебе говорят! – уже строго сказал Костя.

– По-вашему, я буду в кабине сидеть, а раненый трястись в кузове?

Девочка преспокойно стала усаживаться поудобнее на сложенном брезенте.

– Ты слезешь или нет?

– Нет.

Голова Светланы исчезла за бортом. Капитан усмехнулся.

– Я вижу, скучать в дороге ты не будешь, Костя! Федя, дай ей шинель какую-нибудь, ведь ее продует, она совсем раздетая.

Костя, стоя на колесе, перешагивал через борт грузовика.

– Раненому все равно придется трястись в кузове.

– Зачем же вы-то сюда?

– Буду следить, чтобы тебя ветром на поворотах не выдуло.

Машина затряслась, загрохотала и поехала. У крыльца все махали ей вслед.

Светлана встала, держась руками за борт, и тоже замахала платком.

– А ну, сядь! – сказал Костя. – Завернись в шинель хорошенько, благо она тяжелая, придержит тебя хоть чуточку!

Светлана опустила на коленки; ей хотелось еще разок посмотреть на деревню отсюда, издали. Но дорога сделала крутой поворот, и теперь за холмом уже ничего не было видно, только изломанные, изувеченные снарядами верхушки желтых осенних кленов.

На ветру было холодно, и оба уселись впереди на брезенте, под защитой кабины.

– Так, – сказал Костя, – значит, всякая кнопка рассчитывает, что ей удастся мной командовать?

– Где кнопка? – вызывающе спросила девочка.

– Вот она, кнопка! – Костя легонько щелкнул Светлану по небольшому, чуть вздернутому носу.

Девочка с негодованием отодвинулась от него:

– Не деритесь!

Машину качнуло на ухабе. Костя схватился за большую руку.

– Вот видите, – сказала Светлана, – не послушались меня, растрясете руку, будет опять как ночью!

– То есть, что это «будет опять как ночью»? – удивился Костя.

– А вот то самое.

– Уж очень ты глазастая!

Они выехали на шоссе. Светлана опять привстала на колени.

– Ты что?

– Так. Посмотреть. Отсюда нашу школу видно.

Грузовик поехал быстрее. Светлана села и больше уже не оборачивалась.

– Ты здесь давно живешь?

– Нет. Маму как раз перед войной сюда перевели.

– А в Москве бывала когда-нибудь?

– Была один раз... папа поехал и меня взял.

Костя замолчал. Это было как с его рукой: с какой стороны ни дотронься – больно.

– Товарищ лейтенант, а вы в Москву в командировку едете?

– В командировку.

– А потом опять на фронт вернетесь?

– Потом опять вернусь.

Девочка кивнула головой, как бы успокаивая лейтенанта, что больше она его об этом расспрашивать не будет: мало ли что – может быть, военная тайна.

– А что у вас с ногой, товарищ лейтенант?

– С какой ногой?

– Вот с этой, на которую вы немножко хромаете?

– Ты и это уже разглядела, глазастая? Эту ногу я еще весной об немецкую мину ушиб.

– Это которые в земле лежат?

– Нет, которые с неба падают.

Светлана сейчас же поняла:

– Ага. Миномет. Товарищ лейтенант, вот, наверное, мама ваша обрадуется, когда вас в Москве увидит!

– Откуда ты знаешь, что у меня мама в Москве?

– А я ночью слышала, как тот, другой лейтенант сказал, что вы маму в Москве повидаете.

– Не совсем точные сведения, – возразил Костя, – мама моя не в Москве, а под Москвой живет – тридцать километров.

– Ну так что ж, увидите все-таки с ней?

– Увижусь, конечно.

– Вот я и говорю – обрадуется. Товарищ лейтенант, вы мне скажите, как вашего капитана зовут, и адрес дайте.

– Зачем тебе?

– А как же! Он сказал, чтобы я ему писала из Москвы.

– Дело важное, – согласился Костя. – Вот тебе блокнот, вырви страницу и записывай номер полевой почты.

В солдатских карманах всегда бывает тесно. Вместе с блокнотом Костя вынул и положил на колени фотографию и два письма.

– Это вашей мамы карточка? – спросила Светлана и вдруг покраснела и смутилась, как смутился бы взрослый человек, совершивший бестактность: девушка, снятая на фотографии, не могла еще быть ничьей мамой.

Костя засмеялся, тоже слегка покраснев:

– Нет, это просто одна знакомая. Нравится тебе?

– Нравится. Красивая очень.

– А мама моя вот.

Светлана долго и внимательно разглядывала фотографию. Наконец, вздохнув, сказала с глубоким убеждением:

– Она очень хорошая, ваша мама!.. А вашу знакомую Надей зовут?

– Ты что – цыганка или Шерлок Холмс?

– Нет, я просто глазастая. Вот здесь на конверте написано: «Надежде Сергеевне Зиминной». Написали письмо, а отправить не успели – сами поехали.

– Почему все-таки ты так уверена? Может, это маму мою Надеждой Сергеевной зовут?

– Не-ет! Вашу маму Зинаидой Львовной зовут. И фамилия Лебедева, как у вас. Ей вот это, другое письмо, без конверта, треугольничком сложено!

«Ну и бес эта девчонка!» – подумал Костя, расхохотавшись и краснея все больше и больше.

– Ладно, проникательная женщина, вот тебе карандаш, пиши: «Капитан Шульгин...»

Когда адрес был записан, Костя стал опять раскладывать по карманам свое имущество.

– Странно все-таки, – сказала Светлана. – Вам руку только перевязали, и все. Когда рука ранена, ее полагается вот так еще чем-нибудь широким к плечу подвязать. А то вы ее и туда и сюда...

Костя усмехнулся:

– У нас в медсанбате врачи и сестры тоже очень опытные. Они так и сделали. Только я эту повязку снял.

– Ага, – понимающе сказала Светлана. – Чтобы не так страшно было вашему капитану?

– Чтобы не так страшно.

– Вы бы хоть в карман ее положили, повязку. Теперь и подвязать нечем.

Светлана подумала с минуту, нагнулась к своему узелку, порылась в нем и решительным движением вытянула шелковый вязаный шарф.

– Согните руку. Держите так... Ну вот... – Она перекинула шарф ему на шею и завязала узлом. – Ведь лучше, правда?

– Красота! И шарф у тебя какой нарядный... шелковый... полосатенький. Откуда такой взялся?

Она ответила:

– Это мамин шарф.

IV

– Как здесь уютно! Правда, товарищ лейтенант? Я так давно не ездила в поезде!

Светлана жадно смотрела в окно, сначала молча – уж очень грустно было видеть сожженные деревни, вырубленные леса, разрушенные станционные здания. Но поезд бежал все дальше и дальше на восток, и пейзаж менялся.

– Смотрите, смотрите, товарищ лейтенант! Здесь уже пахнут! Трактором! Товарищ лейтенант, смотрите, а здесь новые дома строят!

Костя вставал, подходил к окну и с не меньшим любопытством и радостью, чем Светлана, смотрел и на трактор, и на новые дома. Но день был свежий, от окна порядочно дуло через разбитое стекло, а Костю стало познабливать после бессонной ночи. Опять заболела рука. Он сел в углу, около двери, подложив под локоть вешевой мешок.

– Вы бы полежали, товарищ лейтенант.

– Вот что, Светлана, – сказал он, – хватит тебе меня лейтенантить. К тому же, заметь, ты каждый раз повышаешь меня в чине: я еще не лейтенант, а только младший лейтенант.

– Хорошо, товарищ младший лейтенант, буду называть младшим.

– И это не обязательно. Ты человек гражданский, и так строго соблюдать устав тебе ни к чему.

– Как же мне говорить? Товарищ Лебедев?

– Слишком официально.

– Тогда скажите, как вас по отчеству? Константин... а дальше?

– Вот отпущу себе бороду лет через пять, тогда мне отчество потребуется, а пока можно без него обойтись.

– Так как же мне вас называть?

– Зови, как все люди зовут: Костей.

Ему хотелось пить. На столике у окна стоял жестяной чайник. Костя спросил у соседа:

– Это ваш?

Сосед показал на верхнюю полку. Там кто-то спал, накрывшись с головой. Виден был погон танкиста с тремя сержантскими лычками, и торчали из-под шинели широкие подошвы сапог.

Костя взял чайник, болтнул его, но чайник был пустой и легкий.

Они подъезжали к станции. Светлана прижалась к окну, высматривая что-то на перроне. Как только поезд остановился, она вдруг сорвалась с места, схватила чайник и, быстро сказав: «Я сейчас!» – исчезла в коридоре.

– Куда ты? Стой, стой!

Девочка уже мчалась по платформе, прямо к баку с кипяченой водой, около которого образовалась очередь.

Бежать за ней вдогонку? Впрочем, это было недалеко. Наполовину сердясь, наполовину забавляясь, Костя увидел, как девочка подошла к баку, стала пробираться вперед и как вдруг расступились перед ней со смехом парни в гимнастерках, а один взял у нее чайник и налил кипятку.

Осторожно обмотав платком ручку, Светлана понесла чайник назад.

Когда она вошла с сияющими глазами и, поставив чайник на стол, сказала: «Вот, пейте», – у Кости даже не хватило духу бранить ее.

– Ты все-таки так не делай другой раз, – сказал он, – поезд уйдет, а ты останешься. Ты что им говорила? Почему они вдруг тебя вперед пустили?

– А я им сказала: «Товарищи военные, пустите ребенка без очереди. А то поезд тронется, вы-то на ходу можете вскочить, а я-то нет!»

Костя засмеялся и стал развязывать свой мешок.

– Есть хочешь?

– Эге! – послышался голос сверху. – Я вижу, здесь чаевничать люди собрались?

С верхней полки наклонилось добродушное лицо, такое загорелое, что брови и усы казались светлыми полосками на медно-красном фоне.

– Присоединяйтесь, товарищ сержант, – сказал Костя. – Мы тут похозяйничали у вас немножко.

– Хозяюшка у вас уж больно хороша, товарищ младший лейтенант!

Светлана поела с аппетитом, а Костя только выпил две кружки горячего чаю и опять уселся в своем углу.

Сержант предложил ему лечь на верхнюю полку, но Костя отказался. Сержант подумал, побряхтел, спросил сам себя удивленно: «Сколько может человек спать?!», перевернулся на другой бок и очень скоро опять заснул.

Костя думал с досадой, что без доктора все-таки не обойтись. Придется сойти где-нибудь на станции и потерять несколько часов до следующего поезда. Сегодня уж как-нибудь потерпеть, а завтра с утра узнать...

Светлана сидела у окна, подперев руками подбородок.

Большое багровое солнце скрылось за лесом. Закат был тревожным. Лохматые тучи металась по небу, как языки пламени, раздуваемые ветром. На востоке небо было спокойное, прозрачно-синее, там медленно вставала луна, такая же большая и круглая, как солнце. И казалось, что поезд убегает от тревожного зарева войны и торопится навстречу спокойной луне, в мирную жизнь...

В вагоне темнело, соседи дремали в разных позах: кто сидя, кто лежа.

– Ложилась бы ты, – сказал Костя.

Светлана зевнула и спросила:

– А вы?

– Я здесь посижу.

Она стала устраиваться – подложила вместо подушки под голову узелок.

– Где шинель твоя? – спросил Костя. – Накройся. Ночью холодно будет.

– Какая шинель?

– Которую тебе Федя дал.

– Так она же в машине осталась.

– Эх, ты! – с досадой сказал Костя. – И я, дурак, плохой нянькой оказался.

– Я же не знала, что мне ее насовсем дали, – оправдывалась девочка. – Не могла же я взять... казенное имущество!

– Ладно уж, спи! – Костя накрыл ее своей шинелью и опять сел в угол.

– Что вы, зачем вы? Вам холодно будет.

– Не будет холодно. Спи.

– Нет, будет! Не возьму ни за что! У меня кофточка теплая.

Она села и отодвинула шинель.

– Вот что, Светлана, – сказал Костя. – Хватит тебе своевольничать. Говорят – так надо слушаться. «Кофточка теплая» – без единой пуговицы! Нужно же было так откромсать неаккуратно, прямо «с мясом»!

– Вы знаете, почему я их отрезала!

Она легла, повернувшись лицом к стене.

Костя молча закрыл ее шинелью до самого подбородка. Светлана молча отбросила шинель.

– Лежи смирно, кому говорят! – прикрикнул Костя. – Няньчиться с тобой!

На этот раз Светлана исчезла вся, с головой, и под шинелью стало совсем тихо. Потом послышалось приглушенное всхлипывание и начал вздрагивать левый погон, который пришелся сверху.

Сержант кашлянул на своей полке.

Костя поднял голову и встретил его неодобрительный взгляд. С независимым видом Костя закурил и вышел в коридор. Он вернулся очень быстро, не докурив папиросы.

Сержант молчал и деликатно смотрел в потолок. Костя присел на скамейку. Левый погон продолжал потихоньку вздрагивать. Костя положил на него руку и сказал:

– Ну, перестань, не обижайся на меня, Светлана!

Светлана всхлипнула судорожно и громко.

– Ну-ну! – Костя просунул руку под шинель, нашел и погладил горячую, мокрую щеку. – Честное слово, нечаянно вышло. Не сердись!.. Не сердисься?

Маленькая рука нашла его руку и ответила легким пожатием: «Нет!»

– Будешь спать, да? – спросил Костя.

Рука ответила: «Да, буду спать, вот доплачу еще немножко и буду спать».

Светлана действительно очень быстро заснула.

Заснул и сержант после того, как Костя решительно отказался воспользоваться его шинелью и верхней полкой.

А для Кости это была очень длинная и очень беспокойная ночь. В особенности холодно стало перед рассветом. Костя то сидел, поджав под себя ноги, то выходил в коридор и шагал от окна к окну. Впрочем, в коридоре казалось еще холоднее – от лунного света.

Костя старался думать о Москве, о скорой встрече, но рука болела так, что даже думать мешала.

К утру трава за окном стала серебряной, а картофельная ботва на полях почернела и съезжилась.

Косте иногда казалось, что он засыпает. Он даже начинал видеть сны: поезд подходил к московскому вокзалу, мама и Надя встречали его и радостно говорили: «Костя! Костя!» И почему-то еще мужским голосом: «Товарищ младший лейтенант!»

Костя открыл глаза. Поезд стоял. Светлана теребила за плечо:

– Костя, идите, только сейчас же, как можно быстрее, идите на станцию! Больница совсем рядом – вот она, отсюда видно!

Там очень хорошая докторша. Василий Кузьмич ей все рассказал про вас, что вы не хотите, чтобы вас в госпиталь... Она сказала: «Пускай приходит, я его не съем!»

– Какой Василий Кузьмич? – спросил Костя.

Ах да, сержант с верхней полки. Уже подружиться успели!

– Спасибо, товарищ сержант, только как же я пойду? Тогда пойдем вместе, Светлана, и возьмем вещи, ведь поезд...

– Здесь долго будем стоять, – сказал сержант, – часа два...

Светлана перебила:

– Василию Кузьмичу сам начальник станции сказал. А докторша говорит, что у вас, должно быть, остался осколок в руке и может начаться нагноение. Она говорит, что это опасно!

Костя встал, сержант накинул ему шинель на плечи:

– Оденьтесь, мороз был утром. Вот этот белый дом, вторая дверь. Видите?

Костя только сейчас заметил, что на Светлане надет ватник, в котором она совсем утонула, как в шубе.

– Откуда это у тебя?

– Докторша дала. Она очень хорошая.

– Ты говорила – Василий Кузьмич к ней ходил?

– А мы вместе.

Костя не возвращался так долго, что Светлана уже начала опасаться, не опоздал бы он на поезд. Наконец он вошел и, улыбаясь, протянул Светлане руку, ладонью кверху:

– Вот, посмотри: на память мне дала. Правда, что хорошая докторша.

На ладони лежал крошечный зазубренный кусочек металла. Светлана осторожно взяла его. Лицо ее было очень серьезно.

– Такой маленький, а как больно от него было!.. Костя, как по-вашему, кончится когда-нибудь война?

V

Костя спал. Он отсыпался за обе эти бессонные ночи и за много других бессонных ночей. Спал то сидя, то лежа; просыпаясь, удивленно повторял слова соседа-сержанта: «Сколько может человек спать?!» – и сейчас же засыпал еще крепче. Окончательно проснулся Костя, когда кто-то громко сказал в коридоре:

– Через два часа Москва!

Светлана, аккуратно причесанная, с подвернутыми рукавами нового ватника, наглухо зашивала свою кофточку без пуговиц, превращая ее в джемпер. Потом стала смотреть в окно.

Костя узнавал и не узнавал подмосковные дачные места. Тут налево должна быть станция – нет станции, один фундамент, над которым колышутся седые травинки. Поредели леса. Далекие деревни стали видны теперь из окна поезда. Вплотную к большим колхозным полям жмутся маленькие кусочки земли, прямоугольные и квадратные. Женщины, одетые по-городскому, неумело копают картошку. Это индивидуальные огороды москвичей. А подалее, на холме, – скромный памятник. Много их уже встречалось и раньше. Они все одинаковые: небольшая пирамидка и красная звезда наверху.

Вот и кончились поля, уже Москва начинается.

Все высокие здания изуродованы грубыми пятнами камуфляжа, чтобы казаться издали (и сверху) чем-то менее значительным.

В городе совсем нет заборов; только по линии деревьев и кустов можно понять, где они были прежде. Сады выходят прямо на улицу. А в садах больше грядок, чем клумб, и всюду, где должна была расти просто трава, и даже там, где ничего никогда не росло, растет картошка.

Сосед-сержант, услышав, что Светлану нужно устраивать в детский дом, сказал:

– Эх, знаю я один детский дом в Москве! Товарища моего ребятишки там живут. Заведующая уж больно хороша... Какие письма отцу на фронт писала! Вот бы тебя, Светлана, туда устроить.

– А вы адрес знаете? – спросил Костя.

– Как же, знаю, конечно. Сколько раз на конвертах видел... Какой же адрес-то?.. – Он посмотрел в потолок и задумался. – Сейчас вспомню, товарищ младший лейтенант... Директора Натальей Николаевной зовут... Душа-человек!

Вечером того же дня директор детского дома Наталья Николаевна сидела у себя в кабинете с книгой в руках. Неожиданный поздний звонок. Она прислушалась. В дверь постучала дежурная няня:

– Наталья Николаевна, вас какой-то военный спрашивает... молоденький совсем... с девочкой.

Наталья Николаевна вышла в переднюю и увидела лейтенанта с подвязанной рукой и черноглазую девочку в ватнике.

Костя, козырнув, почтительно сказал:

– Разрешите обратиться, товарищ директор!

– Пожалуйста.

К ней совсем не подходило официальное слово «директор». Серебряные волосы, белый пушистый платок, накинутый на плечи. Спокойное, внимательное лицо. Она казалась бабушкой в большом и тихом доме, странно тихом, потому что ведь это был детский дом. Но дети набегались днем и теперь спят, а бабушка охраняет их сон.

– Зайдите сюда. – Движением руки она пригласила Костю зайти в кабинет. – А вы, Тоня...

В передней было несколько стульев. Няня наклонилась к Светлане:

– Садись, милоч. Тебя как зовут?

Войдя в кабинет, Костя хотел прикрыть за собой дверь, но вдруг почувствовал, что дверь сопротивляется и не дает себя закрыть. Так и есть – Светлана стояла у него за спиной и даже за косяк ухватилась, всем своим видом показывая: вы не будете говорить обо мне без меня! Костя был обескуражен таким явным неповиновением. Но не только резкие – даже строгие слова сейчас, при расставании, были невозможны.

– Я вас слушаю, – сказала Наталья Николаевна с таким спокойствием, как будто не было вовсе упрямой девчонки около двери.

Но Косте Светлана мешала, не хотелось при ней говорить о ее родных... Ну как бы это поосторожнее?.. Впрочем, после первых же коротких фраз Костя почувствовал, что Наталья Николаевна уже все поняла и знает уже о Светлане, а может быть, и о нем самом гораздо больше, чем он мог бы ей рассказать.

– Вы прямо с вокзала?

– Нет, я заходил еще в наркомат, потом мы искали долго...

– Видите ли, товарищ лейтенант, жалко, что вы не оставили девочку прямо на вокзале, в детской комнате. Ее бы направили в приемник, а оттуда ей бы дали путевку... Дело в том, что мы не имеем права сами, помимо горono, принимать ребят. В приемнике они проходят врачебный осмотр, оттуда их посылают в детские дома, в зависимости от возраста, состояния здоровья...

Костя и сам понимал, каким ребячеством было с его стороны понадеяться на случайный адрес, данный случайным дорожным спутником. Они приехали в Москву в конце рабочего дня. Костя боялся не застать начальника, к которому у него были письма. Пока он ходил по служебным делам, Светлана сидела на скамейке сквера, где среди зелени матово белел, дожидаясь темноты, аэростат воздушного заграждения.

Наконец Косте сказали, что ему нужно явиться завтра к десяти утра. Он обрадовался, что ночевать будет дома. Нужно было поскорее устроить девочку. Он видел, что Светлана устала и проголодалась. Зашли в столовую поужинать. Когда вышли из столовой, аэростат был уже высоко в темном небе. На беду, сержант дал неточный адрес: вместо переулка записали улицу. Детского дома там не оказалось, пришлось проверять в справочном бюро.

Костя нерешительно посмотрел на директора:

– Как же теперь быть?

– Вы говорите, ваша семья за городом живет? – спросила Наталья Николаевна. – Так что вам сейчас на вокзал нужно?

– Да, на вокзал.

Костя подумал, что ведь на каждом вокзале есть детская комната... и вдруг ему вспомнились слова капитана: «Костя, будь другом, устрой ее в детский дом».

– Нет, – сказал он, как бы возражая самому себе, – я хочу знать, куда она попадет. Где этот... как его... приемник?

– Довольно далеко, на двух трамваях ехать... боюсь, вы застрянете, не поспеете на поезд.

– Что же делать, переночую в Москве. Пойдем, Светлана.

Наталья Николаевна посмотрела на Костину забинтованную руку... потом встретилась глазами с девочкой.

– Светлана, сколько тебе лет?

– Тринадцать.

– Тринадцать? – удивленно переспросила Наталья Николаевна. – Я думала, гораздо меньше... Тебе хочется у нас остаться, да?

Светлана ничего не ответила.

– Поезжайте, товарищ лейтенант. Девочка останется здесь.

– Но вы же говорили...

– Ничего. Сегодня переночует у меня в кабинете. Тоня, – она повернулась к девушке, открывшей им дверь, – будьте добры, затопите ванную.

– Спасибо вам! – горячо сказал Костя.

Он дал свой адрес – домашний и номер полевой почты.

– Ну, Светлана...

И тут случилось неожиданное. Когда Костя, радуясь, что все наконец так хорошо уладилось, подошел к девочке попрощаться, Светлана метнулась к нему, прижалась лицом к его шинели и зарыдала отчаянно, в голос. Невозможно было разжать цепкое кольцо маленьких рук. Костя повернулся к Наталье Николаевне, молчаливо взывая о помощи.

Наталья Николаевна сказала серьезно, как взрослой:

– Голубчик, ведь ты же не хочешь, чтобы лейтенант опоздал на поезд? Вы зайдете еще к нам, товарищ лейтенант, правда? И писать нам будете?

Слезы прекратились так же внезапно, как и начались.

Светлана крикнула:

– Поезжайте скорее, Костя! Передайте от меня привет вашей маме!

Через полчаса, одетая в пушистый байковый халат, Светлана вышла из ванной. В передней было темно, а дверь в зал приоткрыта. Там горел свет. Светлана заглянула туда. Комната показалась ей огромной. Здесь было холодновато. Холодным блеском сиял гладкий паркетный пол. Гладкие стены холодновато-голубого оттенка. Гладкие холодные листья фикусов...

Теплая рука взяла Светланину руку. Ласковый голос сказал:

– Пойдем, тебе уже все приготовили. Сегодня ляжешь у меня на диване.

VI

«Передайте от меня привет вашей маме...»

«А может быть, не нужно было разыскивать детский дом, взять бы ее с собой, отвезти к маме?..»

Костя шел по улице со странным, смешанным чувством – облегчения и легких угрызений совести.

Было приятно, что кончилась наконец непривычная для него роль опекуна. В то же время Костя сознавал, что он не слишком хорошо сыграл эту роль.

Огромная буква «М» над входом в метро приветливо поблескивала, отражая лунный свет. Эта буква всегда была связана со словом «Москва».

Сбежав с эскалатора, Костя не удержался – погладил на ходу мраморную колонну: «Здравствуйте, старые друзья!»

Вот и широкая вокзальная площадь, залитая лунным светом... Расписание у кассы... Повезло! Задержался бы еще минуты на три в детском доме – не поймал бы последний поезд!

В вагоне было свободно. Костя сел у окна, охваченный радостным ожиданием встречи.

Нет, правильно сделал, что отвез Светлану в детский дом. Славная девчушка, но характер у нее уж больно предприимчивый. Такая маму совсем за тучу загнала бы... Неужели ей уже тринадцать лет? По разговору и по поступкам – пожалуй, а на вид кажется, что гораздо меньше. Тринадцать лет было Наде, когда они кончали шестой класс.

Костя постарался вспомнить, какая была Надя шестиклассницей. Конечно, она казалась взрослее... может быть, просто потому, что самому Косте тогда было тринадцать с половиной? Костя посмотрел на часы. К Зиминым, конечно, сегодня уже не удастся попасть.

Хорошо ли он сделал, что не предупредил маму телеграммой? А вдруг она именно сегодня ездил в Москву и осталась ночевать у кого-нибудь из знакомых? У Кости даже защемило сердце от этой неожиданной мысли.

Нет, нет, не может быть! Почему именно сегодня! Зато насколько эффектнее явиться вот так, неожиданно-негаданно!

А Надю, может быть, удастся увидеть утром. Ведь ей приходится рано вставать, чтобы успеть в институт.

Костя вынул Надину фотографию и, разглядывая ее в полумраке, шепнул:

– Встань завтра пораньше, поедем в Москву вместе! Ладно?

Изменила прическу... косы низко уложены на затылке каким-то хитроумным образом... еще в сорок первом они свободно падали вдоль спины... Ни у кого нет таких кос!

Они у нее всегда были длинные. В четвертом классе они доходили ей до пояса. С четвертого класса, пожалуй, все и началось...

Началось с большой обиды. Классная руководительница разлучила Костю с его соседом по парте, второгодником Ленькой Немаляевым, и велела сесть рядом с Надей Зиминной. По-видимому, рассчитывала, что эта прилежная отличница будет влиять на Костю благотворно.

Оскорбительно было, что на него должна влиять девчонка. Скучно сидеть рядом с этой девчонкой и принудительно молчать все сорок пять минут без передышки. Обидно сознавать, что девчонка учится лучше тебя.

Нет, в четвертом классе, пожалуй, еще не начиналось. Началось в пятом. Надя сказала:

– С такими способностями стыдно получать тройки по истории!

А Костя и не знал, что у него «такие способности».

Тройка по истории – конечно, не большое достижение. И откуда она взялась, тройка?

Сболтнул какую-то чепуху, запутался в хронологии. Надя никогда ничего не сболтнет, никогда не запутается. Вызывают к доске – выходит уверенно, отвечает не торопясь, толково – с блеском! Способности? Нет, дело тут не в одних только способностях. Вот, оказывается, у Кости они тоже есть.

Косте захотелось не отставать, захотелось доказать Наде, что он действительно не тупица какая-нибудь.

Надя много читала – Костя тоже стал проводить вечера в библиотеке, где работала мама. Рылся в каталогах, отбирал книги весьма внушительного вида. Иногда мама говорила, улыбаясь:

– Не одолеешь, пожалуй!

Косте вдруг стало интересно учиться. Почему? Потому, что несколько раз ответил хорошо, или наоборот – хорошо ответил потому, что интересно стало учиться?

К экзаменам готовился вместе с Надей. Иногда занимались у Зиминых, но чаще у Кости. У Кости оба чувствовали себя свободнее, непринужденнее.

Что-то было непростое в отношениях у Нади с матерью, у Надиной матери – с отцом. Когда муж был дома, у Александры Павловны, Надиной матери, появлялось в глазах какое-то страдальческое выражение. Иногда она даже плакала и жаловалась на мужа своим приятельницам и соседкам.

Надин отец чаще всего хмурился и молчал, но Косте казалось, что, оставшись вдвоем, Надины отец и мать обязательно будут спорить и не соглашаться друг с другом, но все-таки сделают так, как он хочет. Он казался Косте тяжелым и даже жестоким человеком, а Надина мать – несчастной женщиной.

Костина мама, по-видимому, была довольна новой дружбой сына и охотно приглашала Надю. Надя стала даже называть ее не по имени и отчеству, а тетей Зиной.

«Тетя Зина, там один малыш себе коленку ободрал... У вас есть йод?»

«Тетя Зина, воробей из гнезда выпал! Возьмете на воспитание?»

«Тетя Зина, ребята щенка несли топить... я у них отобрала... Вот! Хорошенький! Оставьте у себя?»

Любопытно, что и воробью, и малышу с ободранной коленкой первую помощь должна была оказывать не Надина мама, а именно «тетя Зина». Впрочем, таких «племянников» у Костиной мамы всегда было очень много.

Все знали, что у Зинаиды Львовны найдутся и йод, и перевязочные средства, что воробью будет обеспечен правильный уход и воспитание.

Хорошенький щенок водворялся в уютном ящике в сенях (мама не любила собак в комнатах), а Костя бежал в аптеку за соской.

VII

Когда они учились уже в седьмом классе, Ленка Немалеев, увидев Надю и Костю идущими вместе в школу, крикнул им вслед:

– Девчатник!

Костя сложил свой портфель у Надиных ног и бросился вдогонку за оскорбителем. Леня был старше и сильнее Кости, но в драке обычно побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто уверен в своей победе над противником. Надя следила за поединком с любопытством и хладнокровием средневековой дамы, присутствующей на турнире, устроенном в ее честь.

Когда победитель вернулся наконец к ней, тяжело дыша, Надя сказала:

– Дай я тебя почищу. – Она сняла перчатку и деловито стала похлопывать Костю по спине и плечам, отряхивая снег. Потом откуда-то появилась маленькая гребенка. – Причешись.

Надя и Костя вошли в класс перед самым звонком, а Ленка даже опоздал на полминуты (его-то ведь никто не чистил!).

После уроков в классе был пионерский сбор. Это было в начале марта. Вожатый говорил о Международном женском дне.

Костя никогда не выступал на собраниях – и вдруг попросил слова.

– Ребята! – сказал он. – Хочу поднять очень принципиальный вопрос. Сегодня один мальчик назвал меня «девчатником» за то, что я дружу с девочкой и вместе с ней шел в школу. Ребята! У нас в Советском Союзе все равны, и мужчины и женщины, это фашисты считают женщину каким-то низшим, неполноценным существом. А я считаю, что имею право дружить с девочкой, а кто говорит «девчатник» – это пережиток капитализма!

Костя и сам не ожидал, что способен на такое красноречие. Девочки захлопали. Вожатый спросил:

– Кто сказал «девчатник»?

– Он здесь, – ответил Костя. – Пусть сам объяснит, что значит это слово и почему девочка не может быть моим товарищем.

Ленка молчал, багровея, а Костя сказал после выразительной паузы:

– Предлагаю этого человека не принимать в комсомол, а пока заочно исключить из пионерской организации!

– Почему «заочно», если он здесь? – спросил насмешливый голос с задней парты.

– Потому что, если он здесь и молчит, значит, он – не он, а пустое место!

Когда немного утих смех, кто-то из ребят спросил, хорошо ли, когда девочки называют друг друга «мальчишницами» за дружбу с мальчиками.

Вожатый долго и горячо говорил о дружбе. Разумеется, Ленку не исключили «заочно» из пионерской организации. К концу собрания он отдышался немного и тоже попросил слова:

– А что делать с пионером, с будущим комсомольцем, который устраивает драку на улице, по дороге в школу?

– Кто? – закричали сзади.

Костя сейчас же встал:

– Дрался я и буду драться, если при мне будут оскорблять женщину!

Девочки опять бешено зааплодировали. Вожатый с трудом сохранял серьезность.

– Правильно говорил, Лебедев, – сказал он Косте после собрания. – Только помни все-таки, что драка – не доказательство.

Ему-то хорошо – десятикласснику! Они совсем по-другому относятся к девочкам. Седьмого, например, собираются ехать в Москву, готовят сюрприз – утром перед каждой девочкой на парте будет стоять ветка мимозы.

Костя тоже съездил в Москву и купил две ветки, стараясь, чтобы они были одинаковой степени красоты, – для мамы и для Нади.

В Костиной дружбе с Надей было что-то рыцарское, чего ему не хватало в отношениях с ребятами.

Косте было приятно выстоять длинную очередь у театральной кассы, если он знал, что Наде хочется пойти на эту пьесу. Было приятно, когда Надина мать говорила:

– Костя, ты ведь до самого дома проводишь ее?

Было приятно отдать Наде свой плащ, а самому промокнуть до нитки.

Именно в том году хотелось относиться к Наде особенно внимательно и бережно.

Надин отец уехал работать на одну из далеких строек в Сибири. Оказалось, что Надя очень любит отца, больше, чем маму. Оказалось, что все у них было не так, как думал об этом Костя. Надиному отцу давно уже предлагали эту работу, очень для него интересную, но Александра Павловна не соглашалась уехать. И вот теперь он счел себя не вправе отказаться. Они не то чтобы разошлись, но он работал там, а они были здесь. Он писал и жене, и Наде, летом приехал в отпуск на целый месяц. Но это был невеселый месяц (Александра Павловна сумела сделать его таким), а Костя уже сочувствовал не ей, а Надиному отцу. Он понял, что не всякий, кто плачет и жалуется, – обижен.

Наде отец писал отдельно.

Один раз, когда Надя была нездорова, Костя зашел к ней рассказать, что задано. Надя попросила его достать тетрадку из ее письменного стола. Костя открыл ящик и вдруг увидел лежавшую сверху записку; на большом листе бумаги было написано крупными буквами: «Прошу не читать моих писем!»

В квартире они жили вдвоем – Надя и ее мать, если не считать старенькой домработницы, которая вряд ли могла интересоваться Надиной перепиской.

Костя покраснел так, как будто ему надавали пощечин, и быстро задвинул ящик. Надя тоже вспыхнула (должно быть, она забыла про записку) и деланно засмеялась, передернув плечами:

– Ты ужасный идеалист, Костя!

Костя так и не понял, почему он такой «ужасный идеалист». Было дико даже подумать, что он, при любых обстоятельствах, мог бы уготовить такой сюрприз своей маме. Впрочем, не менее дикой была мысль, что мама может рыться в его столе и читать его письма.

Летом Надя уехала к отцу и осталась там. Она писала про тайгу и что обязательно станет инженером и будет строить вот так – где ничего еще нет... «Костя, а ты?»

Надя вернулась только весной сорок первого года, когда они переходили в десятый класс, чтобы после окончания школы сразу поступить в институт.

Она очень изменилась, еще похорошела. Костя смотрел на нее и слушал ее рассказы с почтительным восхищением. Он пришел как-то утром, постучал, она сказала: «Войдите». Надя стояла перед зеркалом и причесывалась. Они говорили о поездке в Москву. Надя хладнокровно заплетала косу, он старался делать вид, что не смотрит, наконец не выдержал и сказал:

– Ох, какие у тебя волосы!

Надя вышла в спальню – отнести гребешок. Костя услышал, как мать попеняла ей:

– Что же это ты, Надюша? К тебе молодой человек пришел, а ты при нем причесываешься.

Надя преспокойно ответила:

– Да ведь это Костя!

Костя еще не успел сообразить, как можно комментировать ее слова: что это – лестное доверие или, наоборот, обидное равнодушие? Надя опять подошла к нему и вдруг стала пристально вглядываться в его лицо. Посмотрела сбоку, с ласковой бесцеремонностью заставила его повернуться к свету. Костя, холодея, подумал: неужели запачкано чем-нибудь лицо?

Он потянулся за платком и ждал, что Надя сурово скажет ему, как бывало порою в давно прошедшие времена: «Пойди умойся!» А Надя закричала с каким-то радостным испугом:

– Мама, у него... усы!

А потом Надя перестала без стеснения причесываться в Костином присутствии.

Иногда утром, услышав его шаги на террасе, она кричала в окно:

– погоди минуточку, там посиди!

И Костя сидел на ступеньках, смущенный и счастливый, сознавая, что это ради его прихода задергивается занавеска в окне Надиной комнаты, торопливо передвигаются стулья, мечется по полу щетка, открывается и закрывается дверца шкафа.

Это был июнь 1941 года... Они сдавали экзамены. В десятом классе будут учиться вместе, вместе окончат школу, через год вместе поступят в институт.

Когда начались бомбежки, Надин отец стал присылать телеграмму за телеграммой, звал к себе Надю и ее мать.

Они решили ехать обе. Александра Павловна убеждала Костину мать ехать вместе с ними:

– Говорят, ученья не будет, в школе – госпиталь, у Кости пропадает год... А кроме десятилетки, там есть техникум... не знаю какой... но ведь это не важно! Из техникума в армию не берут, вы же сами понимаете, Зинаида Львовна: его год на очереди!

Мама слушала ее, молчаливая, бледная и грустная. А Костя резко сказал:

– Именно поэтому не поеду никуда и ни в какой техникум не поступлю!

Накануне отъезда Зиминных они сидели у Нади в саду, вдвоем, в беседке.

– Дай мне что-нибудь на память, Надя, – сказал Костя.

Она спросила:

– Что?

– Все равно что, ну вот хоть этот листик красный сорви.

Надя встала, чтобы сорвать листик, ее коса скользнула на круглый деревянный стол и обвилась вокруг Костиной руки тяжелой шелковистой цепью.

Когда Надя опять села на скамью, Костя придержал шелковистую цепь свободной рукой. Надя улыбнулась шаловливо и обвила другой косою его руку, лежавшую сверху. Потом сама спрятала кружевной лист рябины в карман на его груди. Тогда Костя не удержался и поцеловал Надю.

Как раз в эту минуту в беседку заглянула Александра Павловна. Надя гордо выпрямилась, освобождая свои волосы и Костины руки. И сказала матери:

– Это мой жених!

Учебники, приготовленные для десятого класса, так и остались лежать на полке.

Зимой Костя работал в маминной библиотеке. Библиотека обслуживала раненых. Потом его послали на лесозаготовки, а весной призвали в армию.

Надя писала часто. Самое длинное письмо Костя получил, когда лежал в госпитале, после ранения в ногу. Надя писала: «Имей в виду, Костя, каким бы ты ни вернулся – возвращайся ко мне».

Надя тогда уже училась в Москве, в институте, перешла на третий курс.

В госпиталь Косте написала даже Александра Павловна. Она подробно расспрашивала, как нога, демобилизуют ли теперь Костю или он опять уедет на фронт... По-видимому, опасалась, что «жених» вернется к ее дочери инвалидом.

Кстати, слово «жених» между ними не употреблялось никогда, да и поцеловались они только один-единственный раз. Ведь нельзя же считать поцелуем, когда Надя чмокнула его на вокзале в Москве, как чмокала подряд всех провожавших ее десятиклассников!

Надя уезжала в сентябре... Ровно три года прошло!

VIII

От станции до Костиного дома было пятнадцать минут нормальной ходьбы. Когда Костя провожал Надю, ему случалось растягивать до двадцати пяти. Если Костя шел в одиночестве и торопился, он поспевал к поезду за шесть-семь минут. В этот вечер Костя, сам того не сознавая, побил все свои прежние рекорды.

Перейдя мостик, задержался на секунду: не свернуть ли налево, не пройти ли сначала мимо Надиных окон? Правда, затемнение, но все-таки, если подойти совсем близко, должно быть, можно увидеть, не горит ли свет...

После короткого колебания Костя все-таки налево не свернул, а побежал дальше, к дому.

Дом, освещенный луной, казался грустным, покинутым, необитаемым. Резко выделялись на белой стене черные, сморщенные головки георгинов, прибитых морозом. Прошуршали под ногами осенние листья и обрывки сухой картофельной ботвы. И здесь картошка доходила до самой террасы...

«Неужели мама и копала и убирала все это сама?»

Окна завешены плотно. Дом молчит...

«Мама уехала!» – с ужасом подумал Костя.

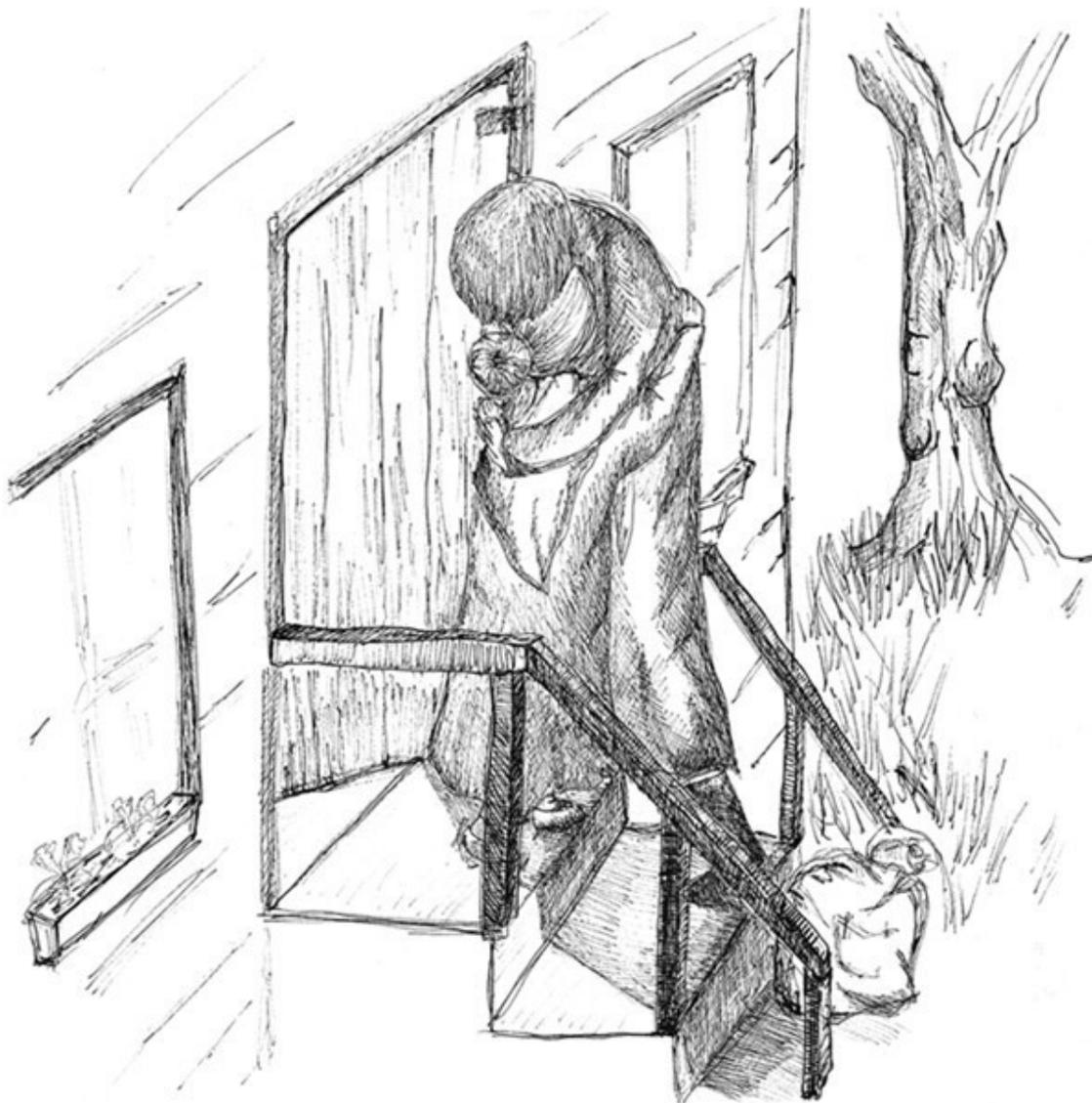
Он взбежал на крыльцо и постучал в дверь кулаком, постучал слишком громко, не рассчитав силы.

За дверью неестественно быстро послышались легкие шаги, мамины шаги, и мамин голос спросил;

– Кто там?

Костя, мгновенно перейдя от отчаяния к самому хорошему настроению, сказал деланным басом:

– Здесь живет гражданка Лебедева?

Дверь сейчас же раскрылась широко. Мама стояла на пороге. Она была такой маленькой, худенькой и... старой! Его лицо было в тени. Увидев военного, мама с ужасом спросила:

– Что? Что? Вы откуда?

Костя, испуганный ее испугом, сказал:

– Мама, это я!

Он только теперь понял, почему она открыла так неестественно быстро, понял, чем был для нее все эти годы каждый стук в дверь: не стук в дверь, а стук прямо в сердце!

Мама слабо крикнула:

– Костя!

Он подхватил ее и почти внес в дом – она была такая легонькая.

На столе – баночка с клеем, обрезки бумаги и материи и несколько библиотечных книг, разодранных юными читателями... Знакомая картина!

– Ты как же? Как же, Костя, милый?

Это «как же» означало: надолго ли? На несколько часов, проездом, или в отпуск (завязанная рука!), или, может быть... совсем, домой?

Костя, торопясь, рассказал про командировку.

Мама переспросила:

– Ночевать дома будешь? Две недели? Каждую ночь?

Эти две недели казались ей счастливой вечностью. Она сидела на диване рядом с Костей, любовалась им, целовала его и молодела с каждой минутой. Прошло пять минут – мама помолодела на десять лет!

Какой непростительной свиньей он был бы, если бы, перейдя мостик, свернул налево!

Увидев, что мама опять вытирает глаза, Костя сказал с раскаянием:

– Мама, я такой дурак, я тебя напугал!.. А как у вас... – он немного покраснел, – все благополучно? Все здоровы?

– Да, да. У Нади учење уже началось. Она много работает... Детка, милый, ведь ты с дороги... ты, должно быть, голодный. Посиди минуточку, я сейчас...

«Детка» встал во весь рост рядом с мамой, демонстративно распрямил плечи... Мамины брови приходились как раз на уровне его плеча.

– Ничего не поделаешь, дорогой, – привычка! В генералы произведут, а для меня – все «детка»!

Мама включила чайник и стала внимательно и тревожно обследовать содержимое буфета.

Костя ее не останавливал. Во-первых, традиция. Во-вторых, девятнадцатилетний аппетит не считается с такой мелочью, как позднее время и ужин, съеденный четыре часа назад. Кроме того, Косте хотелось увидеть собственными глазами, что мама найдет в буфете. Мама никогда не писала о продовольственных затруднениях, но Костя знал, конечно, что москвичам приходилось туго в эти годы. Он стал вынимать из мешка привезенные с собой деликатесы.

Мама сказала: «Ох!» – потом достала из буфета еще тарелку, положила на нее всего понемножку и вышла в сени. Постучала к соседям – по-видимому, там еще не спали.

Вернувшись, мама пояснила:

– У них девочка хворает.

Это было так похоже на маму... Вспомнилось детство. Костин отец рано умер. Мамин заработок был невелик – необходимое было, но Костя не был избалован изобилием.

Когда мама привозила из Москвы что-нибудь «вкусненькое», это всегда доставляло радость. А радостью всегда хочется поделиться. Через пять минут после маминого приезда все Костины приятели дружно похрустывали печеньем или делили апельсин по долькам – на восемь человек.

Иногда соседки упрекали маму в непрактичности, в том, что она неправильно воспитывает Костю.

Однажды Костя услышал такой разговор:

– Ну, посмотрите. Вы привезли Косте шоколаду, ему бы на несколько дней хватило, а какая польза – по кусочку на всю эту ораву?

Мама отвечала со своей милой улыбкой:

– Мамы, когда вы думаете о пользе для ваших детей – не думайте, что дети состоят из одних желудков.

А теперь Костя, улыбаясь, смотрел на мать. Конечно, ей одной хватило бы надолго... но... Он любил ее именно такой, свою неблагодарную маму.

– Однако у вас поздно ложатся, – сказал он, – я думал, приеду в сонное царство.

Мама понимала его с полуслова.

– Иногда и поздно ложатся... например, я думаю, у Зиминых еще не спят. Александра Павловна говорила, что Надя сдает чертежи и много работает по вечерам.

Костя допил чай и встал:

– Я, мама... пойду пройдусь немножко...

Может быть, маме, как и всякой другой матери, хотелось, чтобы этот первый вечер он провел с ней? Во всяком случае, она такого желания не высказала. Костя крепко обнял ее и сказал, как бы извиняясь:

– Я очень быстро!

IX

Костя два раза обошел вокруг Надиного дома... В Надиной комнате открыта форточка, а в столовой – окно. Но шторы такие темные, что ничего решительно не видно. Тишина. Не может быть, чтобы легли спать с открытым окном в такую холодную ночь! Этого не допустила бы Александра Павловна, которая всего боится – начиная с простуды и кончая жуликами.

Костя подошел совсем близко к окну и вдруг заметил узенькую щелочку света и увидел, что в эту щелочку из комнаты выходит дым. Костя громко позвал:

– Надя!

В комнате послышалось удивленное восклицание, занавеска приоткрылась немного, и Костя увидел вполборота Надино лицо, освещенное луной, – милое Надино лицо с прямыми бровями и тяжелые каштановые косы, хитроумным образом уложенные низко на затылке...

– Ох, Костя!.. Ты?! Надолго? Откуда ты взялся? Иди, иди, я сейчас открою!

Надя исчезла за занавеской, но Костя предпочел для скорости форсировать невысокий оборонительный рубеж в виде подоконника и очутился в комнате раньше, чем Надя успела повернуться к двери.

Он много раз думал об этой первой минуте встречи. Как поздороваться? За руку или...

Надя немедленно разрешила его сомнения, звучно поцеловав в обе щеки. Но когда Костя сам захотел обнять ее, Надя, улыбаясь, отстранила его от себя.

– Вот, познакомьтесь, пожалуйста... Это мой товарищ...

К нему вернулась способность видеть что-нибудь в комнате, кроме Нади.

Комната была полна дыма, табачного дыма. На двух чертежных досках были наколоты два огромных чертежа, кругом в деловом беспорядке лежали тетради, готовальни, счетные линейки и очень толстые учебники.

А в самом центре дымовой завесы стоял недоумевающий молодой человек в круглых очках. Он был немного старше Нади и Кости, из тех непропорционально высоких и узкоплечих молодых людей, про которых говорят уже не «этот высокий», а «этот длинный». Он вежливо протянул длинную узкую руку:

– Бочкарев.

– Лебедев, – ответил Костя, стараясь не раздавить эту слабую, вялую руку.

– Вы работаете, – сказал он. – Надя, я сейчас уйду, ты прости, что я так поздно, я только на самую маленькую минутку.

Надя запротестовала и заставила его сесть. Посыпались неизбежные бессвязные вопросы и ответы. Надя крикнула в дверь:

– Мама! Мама! Посмотри, Костя приехал!

Александра Павловна, только что проверявшая запоры на двери в передней, удивленная, воскликнула:

– Откуда приехал? Костя, как ты вошел? Каким образом?

Надя ответила с исчерпывающей точностью:

– С фронта. Через окошко.

«Очкарик», как мысленно уже окрестил Бочкарева Костя, вернулся к своему чертежу и счетной линейке.

В разговор он не вмешивался. Что это? Деликатность или, наоборот, презрение?

У Очкарика был очень ученый вид, и Костя чувствовал себя по сравнению с ним безнадежным мальчишкой.

Надя заметила все: и медали, и новый орден, про который Костя еще не успел написать, и Костино загорелое лицо, «прямо даже странно видеть по сравнению с обыкновенными людьми».

Александра Павловна два раза сказала, что уже первый час, и три раза спросила Костю, подсев к нему, страшно ли было на фронте.

Надя раскрыла пузырек с тушью:

– Ты не обидишься, если я буду чертить?

– Когда сдаете?

– Завтра.

Костя взял со стола толстый кирпичеобразный учебник в девятьсот страниц. Перелистывая учебник, вдруг сказал грустнее, чем ему самому хотелось бы:

– Эх, когда-то я буду опять сдавать что-нибудь?

И вдруг отозвался Очкарик из своего угла:

– Ничего! Вы еще молодой. У вас все впереди, и экзамены, и зачеты.

Что это? В утешенье говорится? Или, наоборот, хочет подчеркнуть, какой Костя по сравнению с ним безнадежный мальчишка?

Потом Костя услышал, как Александра Павловна шепотом спросила Надю:

– Костя будет ужинать?

Надя гневно дернула плечом. Костя встал:

– Ты завтра с каким поездом поедешь?

– Семь сорок.

– Можно, я за тобой зайду?

...Мама, кажется, не ожидала, что он вернется так быстро. Но в кухне уже был приготовлен бак с горячей водой, мохнатое полотенце и Костины домашние тапочки.

Тапочки оказались малы. Костя, надев их на босу ногу и примяв задники, прошлепал из кухни по коридору и с удовольствием посмотрел на белые простыни и знакомое пушистое одеяло.

Уже лежа в постели, он спросил по возможности равнодушным тоном:

– Кто этот Очкарик там, у Зиминых?

– Какой «Очкарик»? – переспросила мама. По звуку ее голоса было ясно, что она уже поняла какой.

– Ну... Очкарев, Бочкарев? Как его там?.. Студент тоже.

– Алеша Бочкарев? Он на одном курсе с Надей.

– Здесь живет или в Москве?

– Здесь, на Первомайской улице. Да неужели ты его не помнишь? Он у меня был одним из самых прилежных читателей. Впрочем, он постарше вас. Когда он кончал, ты, по-моему, еще не очень чтением интересовался...

– Должно быть, главный отличник у них? – презрительно фыркнул Костя.

– Да, он как будто хорошо учится.

Главный отличник... И Надя главная отличница... Занимаются вместе... Живет вредоносный Очкарик на Первомайской улице... И ездят они каждый день вместе в институт. Очкарик отдает Наде свой плащ, если дождь пойдет... Очкарику Александра Павловна говорит: «Ведь вы ее до самого дома проводите?»

Мама потушила верхний свет и поцеловала Костю:

– Спи, милый!

Укладываясь поудобнее, Костя пробормотал что-то о своей ненависти к тыловым крысам. Но мама всегда любила справедливость.

– Между прочим, он был контужен под Сталинградом, – сказала она, – и после этого его демобилизовали.

– Кого? – хмуро переспросил Костя, уже прекрасно поняв кого.

– Алешу Бочкарева.

Мама осторожно дотронулась до Костиной забинтованной руки:

– Не болит?

– Нет.

Он взял мамину руку и прижал ладонью к своей щеке:

– Мама, я дурак?

– Пока не замечаю этого.

Перед тем как начать видеть сон, Костя успел подумать, что его мама обладает ценным и редким (для родителей) качеством: у нее есть чувство юмора.

А Зинаида Львовна долго еще не ложилась. Ей был дорог каждый час, каждая минута, которые ее мальчик проведет с ней. Она сидела в темноте и слушала его дыхание.

Она разбудила его ровно в шесть. Ее удивило, как быстро он проснулся и встал, удивила неторопливая быстрота его движений.

Он вошел в кухню со стаканом в руке:

– Горячая вода есть?

Он стал наливать из чайника.

– Постой, детка, – сказала она. – Еще не вскипела.

Когда Зинаида Львовна вернулась в комнату, она увидела, что «детка» сидит перед зеркалом и намыливает кисточкой щеку. Зинаида Львовна всплеснула руками:

– Котя, ты брешешься!

Разумеется, Надю пришлось ждать. Костя это предвидел и вышел из дому с запасом в десять минут. Костя ходил по террасе и поглядывал в сторону Первомайской улицы, откуда, по всей логике вещей, должен был появиться ненавистный Очкарик.

Он появился гораздо позднее, когда Надя и Костя уже пересекли базарную площадь. Он появился вдалеке, в другом конце площади, и, приветственно помахав длинной рукой, исчез за домами. Он шел к станции параллельной улицей, самым неудобным путем, который только можно придумать, и самым грязным путем.

На платформе Костя увидел его еще раз, опять издали. Приветственный взмах длинной руки – и Очкарик понесся к самому дальнему вагону, в хвосте поезда.

О, деликатный Очкарик! Ладно, живи, Очкарик! Учись в институте вместе с Надей, можешь даже отдавать ей свой плащ, чтобы она не промокла под осенним дождем! А я повоюю и за тебя, поскольку ты герой Сталинграда. Но дай мне эти две недели почувствовать себя по-настоящему дома. Дай мне хоть на минуточку – по утрам и вечерам – забывать, что я младший лейтенант Лебедев, и быть просто Костей Лебедевым.

Учись, Очкарик! Но помни, что ты должен учиться хорошо, ты должен учиться отлично, не напутай чего-нибудь со своей счетной линейкой, помни, что ты учишься не только за себя, а и за меня – младшего лейтенанта!

Х

Иван Иванович всегда входил в класс со звонком. Ни на полминуты раньше, ни на полминуты позднее. А в конце урока – последняя фраза объяснения, короткая пауза и вместо точки звонок, возвещающий перемену. Каким образом, ни разу не взглянув на часы, Иван Иванович умел так точно рассчитывать свое время, было загадкой для всей школы.

Иван Иванович преподавал математику в старших классах, а арифметику только в четвертом «А», временно заменяя заболевшую учительницу.

Девочки из старших классов спорили, даже пари держали: может ли Иван Иванович опоздать или пропустить урок? Утверждали, что может, конечно, только новички. Все хоть немного знавшие Ивана Ивановича понимали, что это случай невероятный.

Вот и сегодня. Не успела старательная и старенькая тетя Мариша в школьной раздевалке подойти к рубильнику и оборвать на высокой ноте звон, разносившийся по всем этажам, а Иван Иванович уже в дверях.

Девочки как-то особенно дружно и четко встают, садятся...

Вот уже неделю Светлана встает и садится вместе с почти еще незнакомыми девочками, и каждый раз это доставляет ей острую радость.

Сначала было трудно привыкнуть к строгому распорядку дня и к тому, что она почти все время на людях. Слишком долго Светлана была предоставлена самой себе, слишком большой перерыв был в ученье.

Поражала, трогала, а порой и утомляла забота о ней. О Светлане заботились не просто из жалости или по доброте, как было в эти страшные годы.

Воспитательницы и няни в детском доме, учителя в школе жили заботами о детях – это было их любимое дело.

Ребята выходили каждое утро стайкой из детского дома – те, кто учился в первую смену. Уже в переулке мальчики сворачивали направо, а девочки налево – в свою школу. В широких, светлых коридорах, в просторных светлых классах девочек из детского дома уже невозможно было отличить от других школьниц: они становились школьницами, как все. Почти все эти девочки уже давно жили в детском доме, у них не было такого большого перерыва в ученье, как у Светланы. Ее сверстницы учились в шестом или седьмом классах. В четвертый «А» вместе со Светланой входили только маленькие Аня и Валя Ивановы, неразлучные близнецы, тихие, скромные, старательные, похожие друг на друга.

Светлану очень угнетало, что почти все девочки в классе были на два, а то и на три года моложе ее. Хорошо еще, что ростом невелика – кто не знает, сколько ей лет, и не заметит разницы, – но она чувствовала себя настолько взрослее их! Ей сразу понравилась ее соседка по парте – Галя Солнцева, с ясными голубыми глазами и толстенькой короткой косой с золотистым завитком на конце.

Понравилась Лена Мухина и Маруся Пчелкина, объединенно называемые «мухи», – еще одна неразлучная пара. Галя Солнцева тоже очень дружила с ними. В классе Галю любили, ее называли Галочкой, Солнышком, иногда Мухой Третьей.

На перемене Галя рассказывала Светлане о том, какие замечательные отличницы обе «мухи». Туся Цветаева стояла в дверях, заглядывая в коридор, чтобы вовремя крикнуть: «Иван Иваныч идет!»

Эта румяная, живая девочка тоже казалось Светлане очень привлекательной.

– Тебе нравится Туся? – спросила она.

Галя деликатно ответила:

– Не очень...

Если Галя говорит «не очень нравится», значит – «очень не нравится». Почему бы это? А тут как раз зазвенел звонок, вошел Иван Иванович. Пришлось поскорее выбрасывать из головы все, кроме арифметики. На уроке Ивана Ивановича не может быть никаких посторонних мыслей.

Даже на стул не присел, раскрывает записную книжку и прямо с места в карьер:
– Мухина!

Лена Мухина, Муха Черная, невысокая девочка с умным и энергичным лицом, отвечает на вопрос, как всегда, толково и точно.

– Цветаева!

Туся вскакивает и говорит, глотая слова, – ей хочется рассказать как можно больше, даже то, о чем ее не спрашивали.

Иван Иванович останавливает ее движением руки.

– Пчелкина!

Маруся Пчелкина, Муха Белая, всегда так стесняется, отвечая урок. И до того она светленькая, голубоглазенькая и кроткая...

К доске Иван Иванович не вызывает. В начале урока ему отвечают с места, по вопросам, вразбивку. Весь класс в напряжении.

Ивана Ивановича боятся, но любят. Именно потому, что любят, боятся еще больше.

Вот он шагает около столика и в проходах между партами, высокий и худой, очень подвижной, в неизменном своем костюме цвета перца с солью.

Бородка и волосы у него тоже цвета перца с солью.

А если кто зазеваается, не сразу ответит или напутает что-нибудь, так и посыплется разные обидные словечки, с перцем, с солью.

– Короткова!

Короткова встает, глаза ее наполняются слезами. У этой девочки на фронте погиб отец, недавно только получили извещение.

Она совсем не может разговаривать – сейчас же начинает плакать.

Другие учителя не спрашивают ее. Иван Иванович спрашивает на каждом уроке, и с каждым разом голос Катюши Коротковой звучит увереннее и тверже. Иван Иванович подошел вплотную к ее парте, чуть наклонился и как-то особенно бережно выслушивает ее ответ.

Не очень хорошо ответила Катюша, но Иван Иванович кивнул головой и поставил в записной книжке против ее фамилии (так, чтобы соседки видели) одобрительную закорючку.

Да, его есть за что любить, но и бояться, конечно, тоже необходимо.

Вот он повернулся и встретился глазами со Светланой.

– Соколова!

Светлана встает, волнуясь больше, чем на всех других уроках. По арифметике ее еще не спрашивали ни разу.

– Ты уже училась в четвертом классе?

– Нет, я только третий кончила. Со мной занимаются сейчас, я повторяю...

– Трудновато приходится? Перезабыла?

Теперь он подошел совсем близко, и глаза у него оказались неожиданно светлыми и добрыми. Издали они кажутся совсем другими из-за серых, косматых бровей.

И совсем просто было ему ответить:

– Да.

– Попробуй решить задачу.

Светлана стала писать на доске условие задачи. У нее было ощущение человека, когда-то в детстве умевшего плавать, но теперь не верящего в свои силы: «А вода глубока, не выкарабкаться, сейчас буду медленно погружаться с головкой и с ручками».

Иван Иванович не торопил. Вот так же отвечала ему Катюша Короткова – могла думать, сколько ей хочется. И вдруг оказалось, что задача совсем простая, даже как будто знакомая, что плыть не страшно, Светлана уже не боялась утонуть.

– Сначала узнаем... Во втором вопросе узнаем...

Еще раз сложить центнеры, потом тонны... Но она забыла, сколько центнеров в тонне – десять или сто? Кажется, сто. Светлана писала одну цифру за другой. По лицам девочек она поняла, что ошиблась. Взяла тряпку и стерла написанное. Нет, как будто правильно получается: 635 тонн 11 центнеров. А к ним прибавить...

И опять весь класс молчаливо подтверждает: неверно! Светлана положила мел и сказала с отчаянием:

– Забыла!

Обычно в таких случаях Иван Иванович вызывал другую девочку на помощь, иногда у доски собиралось трое или четверо. Поднялось несколько рук. Туся Цветаева подняла выше всех, улыбалась и даже шевелила пальцами от нетерпения. Мухи и Галя Солнцева рук не подняли, на их лицах выразалось страдание.

– Солнцева, напомни, – сказал Иван Иванович, как будто не замечая поднятых рук.

Галя подошла к доске и, подавая Светлане мел, сказала:

– Их десять, а не сто. Пиши один, а другой один прибавь к тоннам.

С точки зрения математической, это было очень несовершенно выражено, но Светлана поняла сразу. Все вспомнила о центнерах и тоннах.

Она стерла «635 т. 11 ц.» и написала: «636 т. 1 ц.»

Сказала смущенно:

– Я думала, что центнер от слова «сто».

– Правильно думала, – подтвердил Иван Иванович. – Почему же он так называется?

– Ах да! – радостно вспомнила Светлана. – В нем сто килограммов!

Галя отступила к окну, стараясь показать, что Светлана отлично управляется без нее. Даже решила спросить:

– Мне можно сесть, Иван Иванович?

Он усмехнулся:

– Садись, Ясное Солнышко!

Когда Светлана возвращалась на свое место, она была твердо уверена, что никогда в жизни не забудет, сколько центнеров в тонне и сколько килограммов в центнере.

Перед тем как рассказывать дальше, Иван Иванович диктует номера заданных на завтра задач и примеров. Пока девочки пишут, ходит между партами и успевает проверить несколько домашних работ.

– Мушка, дай промокашку! – шепчет Муха Белая своей подруге.

Иван Иванович говорит сурово:

– Не жужжать! – И добавляет, вышагивая длинными ногами по классу, растягивая одни слова и скороговоркой произнося другие: – Промокашки, зубные щетки, носовые платки и гребешки должны быть у каждого индивидуальными!

Как опытный артист, он делает паузу «на смех». Иван Иванович любит пошутить и любит, чтобы оценили его шутки. Это короткие антракты, предохранительные клапаны, открываемые во время урока. Без них слишком велико было бы напряжение в классе.

Галя, на беду, смешлива. Другие давно уже отсмеялись и пишут дальше.

– Солнцева! Довольно веселиться, пиши внимательнее.

XI

На последней перемене в класс заглянула вожатая – девятиклассница Лида Максимова:

– Девочки, помните – у нас сбор!

Этой осенью Лида выросла на целый каблук, стала подвязывать крендельком темные косички и в первый раз надела платье с прямыми твердыми плечиками. Девочкам из четвертого «А» она казалась совсем взрослой.

После звонка Лида появилась опять:

– Пошли, пошли! Аня, Валя, обязательно приходите!

Девочки из детского дома обычно не ходили на школьные сборы.

Но Аня и Валя знали, что сегодня будет очень интересно, и решили остаться.

Галя защелкнула портфель и крикнула Мухам:

– Мухи, подождите, мы идем!

Ей было неловко уйти без Светланы.

А Светлана не торопилась. Не поднимая глаз, она перекладывала что-то у себя в пенале, учебники еще лежали на парте.

– Пойдем, Светлана!

– Не жди меня, ступай. Я не пойду, – сказала Светлана тихо.

– Как – не пойдешь? – испуганно зашептала Галя. – Почему? Ох!.. Ты без галстука!.. Забыла, да? Или у тебя нет еще?

Вожатая подошла к ним:

– Это новенькая ваша? Светлана Соколова? Что же ты, Светлана, идем!

– У нее галстука нет, – вмешалась Нюра Попова, которой до всего было дело.

– Ничего, – сказала Лида, – пойдем так. Для первого раза прощается, – и взяла Светлану за руку.

Светлана стояла, то поднимая, то опуская крышку парты:

– Я не пионерка!

– Как же так? – удивилась Лида. – Ах да! Ведь ты... Все равно пойдем; как гостья у нас посидишь, а в ноябре дашь торжественное обещание и будешь настоящей пионеркой.

Светлана ответила страдальческим голосом:

– Нет, я не хочу.

– Как? Пионеркой не хочешь быть?

Туся Цветаева насмешливо сказала:

– Она в оккупации жила, ее фашисты научили, вот и не хочет!

– Замолчи! – строго сказала Лида.

Светлана, сжав кулаки, метнулась к Тусе.

Вожатая с трудом удержала ее.

– Девочки, уйдите! Все уйдите! Идите в пионерскую комнату и ждите меня там.

– Не смеет! Она не смеет мне говорить так! – кричала Светлана. – Моя мама коммунисткой была, они ее убили за это! Никто не смеет мне так говорить!

Вожатая крепко держала ее за обе руки:

– Ну успокойся, успокойся!.. Уйдите, девочки!.. Сядь, Светлана, давай спокойно поговорим... Почему ты не хочешь быть пионеркой?

Светлана заговорила уже со слезами на глазах:

– Когда нас в третьем классе всех принимали... я больна была... а потом хотели осенью... а осенью немцы пришли... Ты думаешь, я не жалела, что у меня галстука нет? Уж я бы его вот как берегла!.. А теперь... что же я... торжественное обещание давать?.. С маленькими,

с девятилетними?.. Ведь мне уже тринадцать с половиной лет! Я лучше через год прямо в комсомол...

Нюра Попова, которой до всего было дело, как раз в эту минуту просунула в дверь свой острый носик и воскликнула удивленно:

– Тринадцать лет? И только в четвертом классе учиться?!

У Светланы опять начали кривиться губы:

– Вот видишь!

Лида подошла к двери:

– Нюра, уйди!

– Да я ничего! Ты придешь, Лидочка? – Нюра исчезла за дверью.

Светлана встала:

– Иди к ним, Лида, они тебя ждут. Только не говори, пожалуйста, никому.

Лида обняла Светлану – она знала, что иногда это помогает.

– Как же я тебя одну отпущу – такую расстроенную?

А из пионерской комнаты – нарастающий гул, там четвертый «А», предоставленный самому себе. И Евгении Петровны, классной руководительницы, нет, на беду, – хворает уже вторую неделю.

Лида заторопилась в пионерскую комнату:

– Подожди меня, Светлана, не уходи, я сейчас. Я только скажу им, чтобы они не кричали.

Когда Лида через минуту вернулась в класс, Светланы там уже не было.

Очень немногие девочки слышали то, что сказала Светлане Туся. Нужно ли говорить о поведении Туси сейчас, на сборе, или лучше с ней одной? Ведь Светлана просила не рассказывать, ей будет неприятно, если весь класс...

Ах, если бы эти маленькие девочки знали, как трудно бывает вожатой, когда вот такие непредвиденные обстоятельства!

На следующий день Светланы в классе не было. Муха Черная, староста, спросила сестер-близнецов из детского дома:

– Аня, Валя, а где Светлана? Почему не пришла?

Эти девочки всегда ходили вместе, и звали их через тире: «Аня-Валя», как будто это было одно двойное имя.

– Она пришла, – ответила Аня (она всегда отвечала за обеих), – только она теперь будет не у нас, а в четвертом «В», ее перевели.

Евгении Петровны опять заменяли других учителя. Первый урок был арифметика. Ивану Ивановичу сказали, кто отсутствует и почему Гале показалось, что он пожалел о Светлане.

В конце урока, закрывая журнал и обводя взглядом класс, он вдруг сказал:

– Пасмурно что-то у вас сегодня, и даже Солнышко в тучах... – Он посмотрел на Галю Солнцева: – Что, без подружки своей скучаешь?

Галя действительно уже привыкла к своей соседке за эти несколько дней. На перемене она расспрашивала Аню-Валю, что было вчера в детском доме.

– Ничего не было, – сказала Аня. – Мы ничего никому не рассказывали. Светлана велела не говорить.

Галя вздохнула. Должно быть, Светлана сама попросила перевести ее в другой класс.

– А у вас в детском доме знают, что Светлана не пионерка?

– Знают. Ей вожатая еще раньше говорила, что ее примут в ноябре.

– А Светлана?

– Она тогда ничего не ответила.

На большой перемене Галя вместе с Мухами поднялась на самый верхний этаж – внизу был только их класс, четвертый «А». В четвертом «В» они почти никого не знали – этот класс был целиком переведен из другой школы.

– Вы кого ищете?

– Соколову.

– Она в учительскую пошла, за картами.

Спустились в учительскую. А там сказали, что Соколова только что понесла карты наверх – должно быть, по другой лестнице.

Опять поднялись наверх, заглянули в четвертый «В». Карты уже лежали там, их развешивала незнакомая круглолицая девочка, но Светланы в классе не было. А тут звонок...

В коридоре они столкнулись с вожатой Лидой, которая тоже разыскивала Светлану. Лида очень огорчилась, узнав, что Светлана будет в другом классе.

– Как нехорошо получилось, девочки! Ведь, должно быть, она сама просила ее перевести.

Галя увидела Светлану только в раздевалке, после уроков. Светлана стояла уже одетая с каким-то задумчивым, отчужденным видом. Она поджидала Аню-Валю: в ее новом классе попутчиков из детского дома не было.

Галя подошла к ней:

– Как жалко, что тебя перевели! – сказала она. – У нас все очень жалеют... И Лида тоже.

– Что же делать, – коротко и даже как будто враждебно ответила Светлана. И сейчас же отвернулась. – Аня-Валя, пошли!

Уже во дворе их перегнал Иван Иванович.

– Соколова, как на новом месте центнеры поживают? – добродушно окликнул он.

Светлана, вся вспыхнув, ответила:

– Ничего...

Когда они подходили к детскому дому, Светлана повелительно сказала Ане-Вале:

– Вы у нас никому не говорите, что я в другом классе!

И Аня-Валя покорно молчали...

...На следующий день Иван Иванович спросил руководительницу четвертого «В», куда, как ему сказали, перевели Светлану:

– Как у вас Соколова с именованными числами справляется?

Учительница ответила даже несколько удивленно:

– Соколова?.. Хорошая девочка. Я ее как раз сегодня спрашивала, очень толково отвечала.

Иван Иванович одобрительно кивнул головой:

– Ну-ну!

Как раз в это время Галя опять разыскивала Светлану на верхнем этаже. Одна, без Мух. Она боялась, что Светлана опять посмотрит враждебно и скажет какую-нибудь резкость – пускай уж лучше ей одной скажет!

И опять, как вчера:

– Соколова в буфете...

А в буфете Светланы нет.

– Она в библиотеку пошла...

И там не видно Светланы.

Казалось, что Светлана играет с Галей в прятки.

Несколько раз на лестницах, в коридоре, в буфете Галя видела вчерашнюю круглолицую девочку и встречала ее удивленный взгляд.

И все время перед глазами стояло грустное лицо Светланы, такое, какое было у нее вчера в раздевалке, отчужденное, даже как будто враждебное.

Три перемены, включая и большую, Галя потратила на поиски. Даже на уроках думала только об этом, даже Мухам отвечала невпопад... Мухам-то еще полбеда – Ивану Ивановичу ответила невпопад! Он посмотрел сурово – затуманилось Солнышко или нет, а на уроках должна быть полная ясность!

Наконец на последней перемене Галя опять поднялась наверх и решила ждать у двери четвертого «В» до самого звонка, с риском опоздать на географию. Почему-то она была уверена, что в классе Светланы не будет. Гале уже начинало казаться, что школа – совсем не школа и что вообще все эти лестницы, все эти поиски и таинственные исчезновения Светланы – просто обыкновенный страшный сон, когда ищешь,ходишь – и вдруг все оказывается совсем не то, ничего и никого не узнаешь, все незнакомое...

– Ты опять Соколову ищешь? – остановили ее в коридоре девочки. – Она только что в класс пошла, цветы поливает.

Галя открыла дверь. Пустой класс. Открытые окна. Светланы нет. С маленькой лейкой в руках стоит круглолицая девочка и поливает цветы.

Галя испуганно смотрела на круглолицую девочку, а круглолицая девочка – на Галю... и тоже начала немножко пугаться, даже порядочно воды пролила на пол.

– Кого ты ищешь? – спросила она наконец.

– Соколову, из вашего класса.

Круглолицая девочка неожиданно улыбнулась:

– Так Соколова – это я!

А у Гали все заглодело внутри, как будто она попала в заколдованное сказочное царство, где худенькая Светлана прямо почти на глазах превратилась в незнакомую круглолицую девочку.

XII

Дома Галя обедала и ужинала без аппетита, вечером на папины и мамины вопросы тоже отвечала невпопад. Мама даже пощупала губами Галин лоб, но жаёра, разумеется, не было.

– Что с тобой? – спросила мама. – Или отвечала неудачно?

– Да, – сказала Галя, – Ивану Ивановичу.

– Сколько же он поставил?

– Он у себя в книжечке, я не видела.

– Ну ведь не двойку же? Да ты, Галочка, не огорчайся так – исправишь.

Гале стало совестно, что мама беспокоится из-за предполагаемой двойки, и она сказала с тяжелым вздохом:

– Да я не потому.

Мама и папа переглянулись. Потом папа взял газету, а мама стала убирать посуду в буфет.

А Галя ходила от окна к окну и пощипывала узкие зеленые листья у пальмочек, даже оторвала один. Мама и папа сделали вид, что ничего не заметили. Потом Галя остановилась посередине комнаты и проговорила совсем трагическим голосом:

– Ну вот скажите: если я знаю, что кто-то делает что-то нехорошее, нужно сказать или нет?

Папа сразу отложил газету, а мама закрыла буфет.

Папа спросил:

– Кому сказать?

– Ну... учителям!

– Может быть, сначала постараться, чтобы этот человек сам перестал делать нехорошее? – осторожно сказал папа.

– Меня не слушает. Скрывается от меня и от всех. Убегает. Видела его вчера и сегодня только в раздевалке. Сегодня, как только я вошла, вышел и ушел с Аней-Валей! По-моему, даже подозревает меня уже и ненавидит!

– Кто ушел с Аней-Валей? Кто ненавидит? – в один голос спросили папа и мама.

– Этот человек.

– Ты бы рассказала, Галочка, все, – посоветовал папа, – а то мы с мамой ровнешенько ничего не понимаем.

– Даете слово, что никому никогда про этого человека не расскажете без моего разрешения?

На этот раз мама и папа ответили невпопад.

Мама сказала:

– Даю.

– Я такого слова не даю, – сказал папа.

– Почему не даешь?

– Потому что раз слово дал – полагается его держать. А может быть, окажется, что этот человек разбойник, грабитель какой-нибудь, тогда я сразу иду к телефону и набираю ноль два, а что мама будет делать со своим честным словом?

– Я сказала не вообще, а без моего разрешения.

– А вдруг ты разбойника пожалеешь и не разрешишь?

– Это не разбойник, а девочка.

– Девочки тоже иногда бывают порядочные разбойницы... А ну-ка, Галочка, – папа пересел с кресла на диван и по дороге прихватил с собой Галю, – сядем мы с тобой рядом да поговорим ладком... Рассказывай про свою разбойницу.

Теперь Галя сидела между папой и мамой и видела совсем близко их внимательные глаза. Галя подумала, как страшно важно для папы и для мамы все, что ее занимает и волнует, и как хорошо, когда можно все, что тебя занимает и волнует, кому-нибудь рассказать.

И не нужно никаких особых честных слов, потому что у папы и мамы все слова честные.

Потом Галя подумала о Светлане – что некому ей рассказать про свои обиды и огорчения и никому про ее огорчения неинтересно слушать. У Гали затряслись губы...

Когда она кончила рассказывать, папа спросил, вставая:

– Где этот детский дом?

Галя тоже вскочила с дивана:

– Папа, ты что хочешь делать? Ты хочешь туда идти?

– Для начала хочу позвонить по телефону. Даеть разрешение?

– Папа, если ей что-нибудь будет из-за меня...

– Честное слово, Галочка, я буду говорить так, будто та разбойница – моя собственная разбойница!

– Ну, тогда звони.

– По-моему, лучше не по телефону, – сказала мама.

– Так я же только сговориться, когда прийти.

В детском доме ответили, что директора нет, просили позвонить утром или прямо зайти.

Говорила дежурная воспитательница.

Папа положил трубку и вопросительно посмотрел на маму и на Галя.

– Лучше бы прямо с директором... – нерешительно проговорила мама.

– Хорошо, – сказал папа, – в таком случае отложим до утра.

ХІІІ

В это утро тетя Мариша в школьной раздевалке, как представитель власти, выслеживала правонарушителя.

С молниеносной, почти автоматической быстротой принимая и размещая на вешалках пальто девятиклассниц, она успела сказать:

– Вот эта девочка уже второй день придет, пальтишко снимет вместе со всеми, а повесить мне не дает. Постоит немного... подружки в класс, а она оденется опять и уходит. А чуть звонок – опять в школу, прямо с улицы. Стоит у двери и подружек ждет.

– Какая девочка? – спросила Лида Максимова.

– Вон: черненькая, кудрявая, в красном берете... Первый раз я думала – может, она забыла что, домой опять побежала. А теперь вижу – не в этом дело. Подозрительно мне ее поведение.

– Да где же? Где она? – сама удивляясь своему волнению, спрашивала Лида.

– Там, там, в уголке, за скамейкой...

Но красный берет был уже в тамбуре, между двумя стеклянными дверями.

– Светлана! – крикнула Лида. – Тетя Мариша, дайте мне скорее мое пальто! Девочки, пропустите, пропустите меня скорее! Это моя!.. То есть не моя, но все равно – наша!

И Лида исчезла за дверью.

Девочки выбежали вслед за ней на крыльцо. Ни красного берета, ни синей Лидиной шляпки...

– В чем дело? – спросил Иван Иванович, входя в раздевалку вместе с руководительницей четвертого «В». – Почему такое волнение?

Узнав причину волнения, он спросил учительницу:

– Светлана Соколова? Но ведь она была вчера на уроке? Вы спрашивали ее вчера!

– Наташу Соколову, – возразила та. – В четвертом «В» ни одной Светланы нет!

Тогда Иван Иванович потребовал у нянечки обратно свои калоши, а руководительница четвертого «В» пошла прямо в кабинет директора и сообщила таким голосом, будто предупреждала о могущем быть землетрясении:

– Иван Иванович просил предупредить, что он может опоздать на урок!

Маленький сад между двумя высокими домами.

Легкой спиралью кружит ветер на дорожках осенние листья.

Одна скамейка совсем в стороне, ниоткуда ее не видно за широким стволом дерева. Можно посидеть здесь, как вчера.

В саду никого нет. Дошколятам еще рано гулять, а те, кто во вторую смену учится, встают не торопясь, будут готовить уроки. А кто в первую смену – уже входит в класс...

Вчера здесь был слышен – правда, очень слабо, но все-таки был слышен – школьный звонок.

Из подъезда вышла женщина с кошелкой. Хозяйка отправляется за покупками. Кошелка огромная, да еще зеленая авоська на руке висит... Большая, должно быть, семья у этой женщины!

А другая женщина, наоборот, вошла в ворота. Заглянула в сад, присела на скамейку. Потом мимо всех подъездов прошла, даже в закоулок посмотрела между домом и каменной стеной забора.

То ли квартиру чью-нибудь ищет, то ли думала, что двор проходной... А другого выхода нет, вот она и уходит. Нет, не ушла, остановилась на улице за воротами... Немножко похожа на Галю Солнцеву, в особенности в профиль. Вот такой же вид бывает у Гали, когда она очень

волнуется, жалеет кого-нибудь и не хочет этого показать, и хочет все поскорее уладить, и не уверена – рассердятся на нее или нет.

Хорошая девочка Галя Солнцева, только не смей ты меня жалеть и не вмешивайся не в свои дела, а то рассержусь!

Галя сейчас уже за партой сидит, вынула тетрадь по арифметике... Вместе со звонком войдет в класс Иван Иванович.

Школа живет где-то за чужими домами своей размеренной жизнью. Как и накануне, Светлану охватило горькое чувство непоправимости. Вот и еще один школьный день проходит мимо нее. И никому до этого дела нет. Ну и пусть никому дела нет. Сама ушла и больше никогда не вернусь! А все-таки обидно сидеть вот так, совсем в стороне, когда все равнодушны и никто ничего не замечает!

Женщина у ворот поджидает кого-то. Вот увидела – подняла руку...

Чудеса! Иван Иванович идет... и не в школу, а совсем в другую сторону. Не может быть – ведь сейчас звонок будет...

Слабый звон донесся из-за каменной стены. Свершилось невероятное: Иван Иванович опоздал на урок!

Светлана даже привстала со скамейки и, притаившись за деревом, в тревоге смотрела на улицу.

Иван Иванович подошел к воротам... А из переулка, откуда ни возьмись, Лида Максимова, пальто внакидку, бежит запыхавшись...

Они знают женщину, похожую на Галю. Должно быть, это Галина мама, вот и все! Подойдя к ней, они как-то сразу успокаиваются и смотрят в сторону площади, откуда идет через улицу мужчина в коричневом пальто, под руку с Натальей Николаевной.

Школа и детский дом – все перемешалось, все приходит в движение... И вдруг Светлана увидела себя в самом центре.

Вот и кончился ее наивный обман. И как быстро!

Первой мыслью было – спрятаться в одном из подъездов. Они были как темные норы – пускай не очень надежное, но все же укрытие. Нет, теперь уже поздно: от ворот будет видно, как она побежит.

Светлане вдруг вспомнилось, как однажды с ребятами она ловила ежика в лесу. Застигнутый врасплох, он метался по дорожке, топал и хрюкал сердито: отстаньте, мол, некогда мне, какое вам до меня дело! А норка была далеко, до нее не добраться. Тогда ежик прибегнул к последнему средству самозащиты – свернулся клубком и выставил все свои колючки...

Наталья Николаевна пошла к воротам.

Можно себе представить, что делается сейчас в школе и в детском доме! Сейчас они войдут во двор все вместе...

Раздув ноздри, Светлана снова села на скамейку и стала ждать.

Ежик свернулся клубком и выставил все свои колючки.

Мужчина в коричневом пальто, не дойдя до ворот, отчаянным жестом показал на свои часы, приподнял шляпу, не то здороваясь, не то прощаясь, и помчался к трамвайной остановке.

Потом Лида с Иваном Ивановичем пошли налево, в сторону школы, а предполагаемая Галина мама – направо. У ворот осталась одна Наталья Николаевна. Она знала, где нужно искать, она шла прямо к Светланиной скамейке.

Светлана молча встала ей навстречу.

Лицо Натальи Николаевны не было таким спокойным, как всегда.

– Как ты напугала нас, девочка!

Она крепко обняла Светлану (тоже, должно быть, знала, что это помогает). Это помогает почти всегда! Но Светлана еще не хотела сдаваться.

Они сели на скамейку.

Маленькие дошколята, неведомо откуда появившиеся вдруг во дворе, окружили скамейку, смотрели любопытными глазами.

Наталья Николаевна встала:

– Пойдем, Светлана.

Светлана ответила горячим шепотом:

– Наталья Николаевна, я в школу больше никогда не пойду!

Наталья Николаевна взяла ее за руку:

– Я тебя в школу не зову. Пойдем домой.

XIV

А дома – то есть в детском доме – было большое волнение.

Уходя, Наталья Николаевна строго-настрого распорядилась ребятам ничего не говорить, не устраивать суматохи.

Но пришла воспитательница Тамара Владимировна. Ее не успели предупредить. А тут позвонили из школы, спросили, не вернулась ли в детский дом Светлана Соколова, которая убежала куда-то и уже два дня не ходит в класс.

Когда что-нибудь случалось в отсутствие Натальи Николаевны, Тамара Владимировна всегда терялась. По ее репликам в телефон ребята поняли, что Светлана куда-то пропала.

А тут еще Аня-Валя были разлучены в этот день кашлем. Они всегда болели вместе, но Валя уже успела начать кашлять, Аня же еще не успела, поэтому Аня пошла в школу, а Валя осталась дома.

Под натиском Тамары Владимировны, без поддержки сестры Валя сдалась очень быстро и рассказала про Светлану все, что знала.

Теперь, в свою очередь, Тамара Владимировна позвонила в школу. Как раз в эту минуту в кабинете директора сидела Аня-без-Вали, которой тоже пришлось капитулировать.

Галя Солнцева и обе Мухи, узнав, что Аню «повели к директору», преодолевая естественный для каждой школьницы страх перед этим святилищем, добровольно явились к дверям кабинета.

Потом в школу вернулись Иван Иванович и Лида. В четвертом «А» начался урок, и все стало понемногу успокаиваться.

А в детском доме нянечка Тоня вдруг закричала:

– Идут! Идут! Нашлась! Отворяйте!

И дверь распахнулась раньше, чем Наталья Николаевна успела позвонить.

Светлана увидела встревоженные лица Тамары Владимировны и Тони, заплаканную Валю-без-Ани и маленького Славика с льяными волосами, к которому она уже успела привязаться. Из всех дверей в переднюю выглядывали ребята.

Появление Натальи Николаевны подействовало на всех, как хороший прием валерьянки.

Наталья Николаевна провела Светлану к себе в кабинет и, показав на диван, сказала:

– Посиди здесь.

А сама вышла восстанавливать нарушенный порядок. На этом диване Светлана провела свою первую ночь в детском доме.

Диван широкий, коричнево-зеленый, приветливо-мягкий, даже странно было на нем спать с непривычки. А рядом в кресле сидела Наталья Николаевна, сидела до тех пор, пока Светлана заснула...

Может быть, теперь выгонят из этого детского дома? Кажется, есть такие специальные детские дома для трудновоспитуемых детей... Может быть, отправят в такой детский дом? Тогда – прощай, диван!

Светлана прижалась щекой к пестрому валику...

Наталья Николаевна вернулась в кабинет: должно быть, нарушенный порядок уже восстановился.

Нет, еще не совсем восстановился порядок в детском доме. Звонок. Голоса в передней, шаги и опять какая-то суматоха.

Наталья Николаевна молча прислушалась.

Стук в дверь. Нянечка Тоня вошла в кабинет с испуганным лицом:

– Наталья Николаевна, Светланин лейтенант пришел и вас спрашивает!

Наталья Николаевна вышла в переднюю, оставив дверь кабинета открытой.

Первым движением Светланы было вскочить и мчаться в переднюю. Но она сейчас же опять села на диван. Ведь она не знала, зачем Наталья Николаевна сказала: «Сиди здесь!» – просто чтобы все наконец успокоились или в наказание. Если Наталья Николаевна посадила ее на диван в наказание, Светлана была готова сидеть на диване, пока не умрет от голода и жажды!

А в передней стоял Костя, без повязки на руке, с вещевым мешком за плечами. Он сказал, что командировка его кончилась, он возвращается в часть. Все свои дела в Москве он уже переделал, на утренний поезд не поспел, и получилось несколько часов свободных. Домой заехать он уже не успеет; кроме того, хотел узнать, как Светлана, а мимоходом взял два билета в кино... Как бы в доказательство, он вынул из кармана билеты и смущенно вертел их между пальцами.

– Говорят, очень хорошая картина и можно детям... Но... мне уже успели рассказать, что она тут у вас натворила. Вы теперь ее, должно быть, не отпустите?

Светлана не видела Костю, но ей было слышно каждое слово.

– Отчего же не отпущу? – спокойно ответила Наталья Николаевна и громко позвала: – Светлана!

Светлана сорвалась с места, но в дверях остановилась и медленно вошла в переднюю.

– Так вот, – сказал Костя, пожимая маленькую руку, – поскольку Наталья Николаевна разрешает, нам надо поторопиться.

Наталья Николаевна сказала:

– Одевайся скорее. – И повернулась к Косте: – Ведь вы ее до самого дома доведете?

Косте стало смешно и грустно.

Он посмотрел сверху вниз на свою крошечную даму.

– Ну разумеется! Если позволите, вам в залог свои вещи оставляю.

Когда они вышли на улицу, Костя спросил:

– Что ж, за руку мне тебя вести или отпустить на честное слово?

Он с удовольствием заметил, как изменилась внешность девочки. Новое драповое пальтишко, красный берет, который был ей очень к лицу...

– Вы меня будете ругать? – спросила Светлана.

– Обязательно. Была бы ты в моем взводе – суток десять получила бы, никак не меньше! Вот уж не думал, что Наталью Николаевну таким сокровищем награжу! Главное, не ожидал, что ты можешь с такой хитростью людей обманывать.

– По-вашему, обманывать нехорошо?

– Не только «нехорошо», а очень плохо!

– А вы меня сами обманули.

– Я – тебя?!

– Да. Вы. Меня. Обещали писать – не написали. Обещали заходить...

Костя постучал себя в грудь:

– А это кто – я или не я?

– Да уж... перед самым отъездом. Капитан-то ваш небось спросит, как вы меня устроили!

– Ну, знаешь!.. – Костя даже остановился от удивления и не сразу нашелся, что ответить. –

Ты что же думаешь, меня в Москву послали, чтобы я с визитами расхаживал?

– Так вы ни к каким знакомым не ходили с визитами?

Яркая афиша над входом в кинотеатр помогла Косте сделать вид, что он не расслышал щекотливого вопроса. Светлана забеспокоилась:

– А мы не опоздаем?..

В фойе играла музыка.

– Зайдем в буфет, – сказал Костя. – Чего ты хочешь?

Светлана вдруг ахнула:

– Ой, Костя! Смотрите, пирожные!

Пирожные, настоящие, прямо как довоенные пирожные, были тогда новинкой даже для москвичей, продавались без карточек и стоили еще очень дорого. Даже те, кто их не покупал, радовались, на них глядя. Затеиловая красивость розовых и белых кремов как бы предсказывала переход от суровых военных лет к мирному изобилию.

– Не надо, не надо, Костя! Смотрите, какие они дорогие!

Но Костя, с тем великолепным презрением к деньгам, которое бывает только у молодых военных, уже расплачивался с буфетчицей и занимал место за круглым столиком у окна.

– Костя, это «наполеон», мое любимое!..

У Светланы на щеках уже появились белые сахарные усики. Забыв обо всех огорчениях и тревогах этого дня, она наслаждалась минутой.

– Костя, а вы сами что же не берете? Костя, оно такое вкусное!

Костя не был уверен, полагается ли по хорошему тону, угощая пирожными свою даму, есть их самому. Но дама-то у него была такая маленькая! А пирожных он так давно не ел!

На всякий случай Костя все-таки огляделся. За соседним столиком сидел полковник с бронзовым лицом, весь в орденах, а рядом с ним – настоящая, взрослая и даже весьма красивая дама. И оба ели пирожные, причем полковник поглощал их с завидным аппетитом.

Костя, уже не сомневаясь больше, положил себе на тарелку «наполеон».

– Что же ты? Бери еще! – сказал он.

Светлана прошептала со счастливым вздохом:

– «Эклер» – тоже мое любимое! – и стала есть «эклер», но уже гораздо медленнее.

– Хочешь еще ситро?

– Хочу, пожалуйста...

Светлана выпила полстакана, отломилла еще кусочек «эклера» и вдруг сказала с отчаянием:

– Костя, знаете, я не могу его доесть!

Костя засмеялся:

– Не можешь, так не ешь, что же делать.

У девочки был виноватый и умоляющий вид.

– Костя, я его не кусала, я его просто разломилла пополам... Костя, может быть, вы... что же ему зря пропадать-то!

Костя не сомневался, что доест пирожное с тарелки своей дамы – поступок, явно противоречащий хорошему тону. Но Светлана так серьезно огорчалась... К тому же «эклеры» были тоже его любимые. Сейчас начнется сеанс – люди потянулись в зал. Никто не обращает внимания.

Небрежным жестом Костя переставил тарелки и взял оставшуюся половинку «эклера». Когда вставал с набитым ртом, он заметил, что полковник и его дама тоже встали, смотрят на них и улыбаются оба.

Ох, эта ребячья способность краснеть по всякому поводу и без всякого повода!

XV

Когда потух свет, пирожные были забыты. Картина действительно была стоящая. Светлана и Костя вполголоса обменивались впечатлениями. Светлана смеялась именно там, где нужно смеяться, и очень верно подмечала удачные детали.

Перед последней частью вдруг оборвалась лента и на минуту в зале стало светло.

Девочка осторожно дотронулась до Костиной левой руки, лежавшей на ручке кресла:

– Какой у вас большой шрам. Больно еще?

– Нет, – Костя подвигал пальцами. – Самую чуточку.

– А вы теперь почти уже не хромаете.

– Да. Говорят, пройдет совсем.

Светлане стало грустно и страшно за Костю. Отсюда – прямо на вокзал. И увезет его поезд навстречу пылающему закату, навстречу войне...

Опять потемнело в зале, осветился экран. Но Светлана не могла уже с такой непосредственностью волноваться за судьбу героев фильма. К тому же было ясно, что у них-то все кончится хорошо.

– Ты что скучная такая? – спросил Костя, когда они выходили из зала. – Или не понравилось?

– Очень понравилось. Спасибо вам.

– Так в чем же дело? Боишься, что тебе попадет за все твои подвиги?

– Костя, а вы сейчас прямо на вокзал?

– Как же я могу прямо на вокзал? А обещанная доставка на дом?

– Костя, а почему ваша мама не поехала вас провожать?

– Она нездорова, я ее отговорил. Если бы еще знать, на какой поезд попаду... Устала бы очень, а обратно одной возвращаться.

– Так вас никто на вокзале провожать не будет?

– Отчего же никто? Будут провожать...

Костя сделал едва заметную паузу и хотел сказать: «товарищи», но Светлана мягко закончила:

– Знакомые?

Это звучало уже не насмешливо, а сочувственно и грустно.

Костя подумал, что Светлана обеспокоена своими школьными и детдомовскими делами.

– Ничего, Светлана, не робей, как-нибудь обойдется... Это что, школа твоя?

– Нет, здесь мальчишки учатся, а наша вон там, в переулке.

– Как твоего учителя зовут? Иван Иванович?

– Да, он у нас по арифметике, пока Евгении Петровны нет...

– Странно, – сказал Костя, когда они вошли во двор. – Я читал об этом, но никогда не видел в Москве. У вас под крышей ласточкины гнезда. Правда, здесь уже окраина и садов много...

– Да, да, – оживилась Светлана. – И знаете, Костя, они каждый год сюда прилетают, птенчиков выводят. Ребята рассказывали, сначала было только три гнезда – вот эти, над окнами, – а весной прилетели молодые ласточки, бывшие птенчики, и четвертое гнездо построили. Они его из глины... Им далеко приходилось за ней летать, вон туда, на огороды. Очень старались, долго его строили. Станет тепло – опять к нам вернуться. Было три ласточкиных семейства, а теперь четыре...

В детском доме Светлану и Костю уже ждали.

Дверь широко раскрылась. На пороге стояли маленький светловолосый мальчуган и светловолосая девочка, немного побольше. Мальчуган бросился в угол передней, где на стуле лежал

Костин вещевой мешок, и ухватился за него обеими руками, пытаясь поднять. Девочка крикнула.

– Славик, не поднимай! Надорвешься! Дай мне!

И сама была сейчас же отодвинута в сторону одним из старших мальчиков:

– Оля, не поднимай, тяжело! Товарищ лейтенант, вот ваш мешок!

В переднюю из всех дверей высыпали ребятишки (удивительно, сколько поместилось их на такой небольшой сравнительно площади!), и все желали Косте счастливого возвращения. Так как он поцеловал Светлану, пришлось поцеловать еще нескольких мальчиков и девочек – из тех, которые стояли поблизости и которым уж очень этого хотелось. А потом его самого поцеловала Наталья Николаевна.

Костя вышел во двор, обернулся – во всех окнах торчали темные и светлые головенки, маленькие руки махали ему вслед.

Теперь самое время было ехать к Наде в институт, но, поравнявшись со школой, Костя невольно замедлил шаг... В конце концов, это займет только четверть часа!

В пустой раздевалке сидела маленькая сухонькая старушка и вязала чулок.

– Нельзя в шинели, товарищ лейтенант, – строго сказала она, – у нас в верхней одежде входить не разрешается.

И вдруг отбросила чулок, подошла к рубильнику, и школа наполнилась оглушительным звоном – к окончанию пятого урока. Казалось странным, что тетя Мариша, такая маленькая и степенная, произвела весь этот шум.

– Сейчас побегут, – улыбаясь, сказал Костя, когда наконец затих оглушительный звон.

Тетя Мариша, принимая от него шинель, с достоинством возразила:

– Не побегут, а пойдут!

Растворялись двери классов, аккуратными линеечками выходили в раздевалку и спускались по лестницам с верхних этажей маленькие ученицы. Никакого беспорядка, никакой суеты. «Ого! Дисциплинка!» – с уважением подумал Костя.

Ему казалось, что именно в эти годы ребята должны были бы разболтаться. Но, наоборот, порядка в школе было, пожалуй, даже больше, чем до войны. Может быть, потому, что здесь одни девочки учатся? Да, нелегко Светлане так сразу втянуться в эту налаженную, размеренную жизнь!

Проходя в коридоре мимо лейтенанта, девочки вежливо говорили: «Здравствуйте», и провожали его внимательными, любопытными взглядами.

Узнав, что директора сейчас нет в школе, а Иван Иванович в учительской, уже подходя к двери, Костя вдруг сунул руку в карман:

«Ох, что же я наделал! Совсем забыл!»

Через несколько минут Иван Иванович вышел из учительской в коридор вместе с Костей и спросил, пожимая ему руку с неожиданной силой:

– Прямо на вокзал поедете?

– Нет, я еще должен зайти... меня будет провожать... то есть будут провожать...

Костя, с трудом сдерживая нетерпение, шагал рядом с учителем. Тот вдруг остановился и, озорно улыбнувшись, проговорил скороговоркой, переходя на «ты»:

– Вот что, дружок, беги по коридору, никто не увидит, вторая смена еще не пришла. Только в раздевалке полегче – тетя Мариша у нас строгая!

XVI

– Лида, я в школу не пойду, я все равно учиться не буду!

– А он совсем и не для того зовет. Ему нужно тебе что-то передать. Какую-то твою вещь...

Светлана только-только успела пообедать – без особого аппетита, принимая во внимание подавленное настроение, «наполеон» и половину «эклера», – Валя-без-Ани только-только успела покаяться ей в своем предательстве, и вдруг новое волнение: явилась вожатая Лида с просьбой от Ивана Ивановича отпустить Светлану в школу. Он будет ждать ее в кабинете директора.

Наталья Николаевна разрешила идти: что-то уже Лида успела ей сказать, перед тем как позвали Светлану.

Нет, невозможно идти в школу после всего этого позора!

– Лида, я ничего не забывала в школе! Наталья Николаевна, я не пойду!

Лида возразила терпеливо:

– Не ты забыла, тебе забыли передать. Сейчас к Ивану Ивановичу кто-то заходил... кажется, какой-то военный.

– Сейчас? Вот сейчас?..

У Светланы заколотилось сердце... Нет, не может быть, чтобы Костя ради этого рисковал опоздать на поезд... то есть еще не на поезд – но все равно!

Всю дорогу до школы Светлана и Лида молчали. Светлана не знала, что Лида получила строгие инструкции от Ивана Ивановича.

«Обиделась на меня... – думала Светлана. – Так обиделась, так презирает, что и говорить ни слова не хочет!»

Уже во дворе школы Лида вдруг надумала, что сказать – совершенно нейтральное:

– Сегодня, должно быть, будет дождь!

Светлана ответила, тяжело вздохнув:

– Осенью всегда грязно...

Иван Иванович сидел за столом и проверял тетради, беспощадно отмечая жирной красной чертой каждую ошибку.

В этой комнате тоже был диван... еще один диван... только неприветливый, кожаный... твердый, должно быть!

– Вот что, Светлана, – сказал Иван Иванович, в первый раз называя ее не по фамилии, – ко мне сейчас заходил Костя Лебедев и просил передать тебе вот этот шарф. Он сказал, что это для тебя очень дорогая вещь, и просил поблагодарить тебя за нее.

Светлана взяла обеими руками шарф... Должно быть, Костина мама так заботливо выстирала и выгладила его...

– Да ты сядь. Что же ты стоишь!

Светлана присела на самый край...

Нет, диван оказался мягче, чем можно было подумать с первого взгляда.

Она положила шарф себе на колени и ласково провела по нему рукой.

– Он только для этого и приходил? – спросила она.

– Нет, не только для этого. О шарфе он вспомнил уже здесь.

Иван Иванович закрыл тетрадь, а так как разговаривать и сидеть на одном месте он не мог, то стал шагать по маленькому кабинету – ровно три шага получалось – от стола и до стенки.

– Костя приходил, чтобы рассказать мне про то, как он с тобой познакомился. Между прочим, рассказал, что говорил один фашистский мерзавец про наших детей... Помнишь это?

Светлана глухо ответила:

- Помню. Я все очень хорошо помню.
- А если ты такая памятьливая, так запомни раз и навсегда, что нам-то ты очень нужна. И что к нам относиться, как к своим врагам, ты никакого права не имеешь! Понятно?
- Он неожиданно сел на диван. А диван оказался таким неожиданно мягким, что Светлану качнуло назад. Нужно было или совсем встать, или сесть гораздо глубже, чем она сидела.
- Светлана села поглубже и сказала дрожащим голосом:
- Я к вам не отношусь, как к врагам!
- Если врагов нет – значит, все в порядке. Иди домой, узнай у девочек, что задано, и садись готовить уроки. Особое внимание на именованные числа обрати, я тебя завтра буду спрашивать, не посмотрю, что ты прогуляла два дня!
- Как же вы будете спрашивать, когда меня из школы, наверно, уже выгнали!
- Никто тебя из школы не выгонял. Наоборот – таких, как ты, учить да учить. Светлана, твоя мама учительницей была?.. Да?
- Да...
- Я думаю, она тоже хотела, чтобы ты училась, правда?
- Светлана долго молчала, поглаживая рукой полосатый шарф.
- Как же я буду... в четвертом классе... такая большая!
- Эх, ты! – Иван Иванович похлопал ее по маленькой руке. – Большая!
- Он встал и опять зашагал по комнате. Потом остановился перед Светланой:
- Стыдно тебе, по крайней мере?
- Она ответила, вся просияв:
- Стыдно.
- Это хорошо: значит, совесть у человека есть. А на глупых девочек ты не обращай внимания. У вас в классе и умные тоже попадают. Ты с Галей Солнцевой, кажется, дружишь?
- Светлана мрачно сказала:
- Нет. Это как раз Галина мама, должно быть, меня во дворе выслеживала!
- Что, что? – переспросил Иван Иванович. – Экий у тебя характер континентальный!
- Почему континентальный?
- Жаркое лето, суровая зима. Ты уж как-нибудь умерь температуру или устраивай людям демисезон, а то рядом с тобой простудиться можно. Имей в виду, что Галя Солнцева как раз в этом самом кабинете из всех сил тебя защищала.
- А я не хочу, чтобы меня защищали!
- Иван Иванович передернул плечами и повернулся к окну:
- Форточку разве закрыть? Прямо будто на сквозняке стою!
- Светлана подошла к нему сзади:
- Иван Иванович, вы меня извините, пожалуйста.
- Он положил руку на темные волосы девочки:
- Вот с этого нужно было начинать, дружок.
- Девочки из детского дома, занимавшиеся во вторую смену, увидели Светлану в коридоре и сразу окружили ее:
- Ну как?
- Здо€рово тебе попало?
- Светлана, ну как?
- Ничего...
- Подошли и другие школьницы. Светлана видела кругом сочувственные лица. Она думала, что будет только стыдно, но оказалось, кроме того, и приятно, что за нее все так волнуются.
- Ты куда, Светлана?
- Я к Лиде Максимовой.

– Она здесь, в пионерской комнате.

Перемена кончилась, девочки разошлись по классам, Светлана осталась одна.

В пионерскую комнату вошла не сразу, сначала пострадала немножко у двери, потом перешагнула через порог:

– Лида, можно к тебе?

...Из пионерской комнаты Лида и Светлана вышли обнявшись. Спустились с лестницы, постояли на площадке между первым и вторым этажом. Попрощались.

Шагая по ступенькам вниз, Светлана думала, что вот есть у нее теперь старший друг, гораздо более опытный, чем она. Девятиклассница, отличница, комсомолка Лида Максимова сказала ей: «Давай будем дружить». И еще: «Если что нужно – приходи, я помогу».

Тетя Мариша уже протягивала Светлане пальто с заткнутым в рукав красным беретом:

– Держи, беглец!

Когда Светлана оделась, тетя Мариша сказала строго:

– Застегнись как следует – холодно.

Даже вышла из своей деревянной засады и сама застегнула Светлане верхнюю пуговицу.

А Лида Максимова, шагая по ступенькам кверху, думала о том, как мало еще у нее опыта и какой плохой вожатой она оказалась.

Нужно было тогда не молчать, а сейчас же посоветоваться с кем-нибудь из учителей. Если бы Иван Иванович знал про Светланину обиду, он бы проверил, почему ее перевели в четвертый «В».

Нужно было добиться, разыскать Светлану. Ведь хотела. Почему не выяснила все на другой же день?

Контрольная работа была, потом кружок... Нужно было успеть. Да... А теперь нужно идти к Ивану Ивановичу, он сказал: «Зайди ко мне потом, поговорим...» Лида чувствовала, что разговор будет неприятный. Не сразу вошла, пострадала немножко перед дверью кабинета, потом постучала:

– Иван Иванович, можно к вам?

Да, много разговоров было в этот день – и неприятных и приятных.

Когда Светлана вернулась в детский дом, к ней подошла шестиклассница Алла Нежданова. Посмотрела с суровым осуждением и спросила – почти теми же словами, которыми кончил разговор Иван Иванович, только более строгим тоном:

– И тебе не стыдно?

Чутьочку смягчившись, Алла пояснила, почему Светлане должно быть стыдно:

– Ты не должна убегать от нас. Помни, что ты – наша сестренка.

Елена Михайловна, вожатая, упрекнула огорченно:

– Ничего никому не сказала! Светлана, значит, мы с тобой еще не друзья?

А Юра Самсонов и его приятель Витя Чижов отозвали Светлану к себе в комнату и прикрыли дверь.

– Света, мы завтра после уроков подойдем к вашей школе. Ты покажи нам девочек, которые тебя обидели. Мы с ними потолкуем!

Так как у Юры при этом были сжаты кулаки, Светлана ответила, улыбнувшись:

– Пожалуй, лучше не показывать: я боюсь, что от девочек ничего не останется после такого разговора!

– Не беспокойся, – ответил Юра, небрежно засовывая руки в карманы. – Я никогда не дерусь с девочками. Побеседуем, и этого будет достаточно, чтобы вправить им мозги!

А Витя Чижов изрек с философским видом:

– Попадают еще у нас несознательные люди! В особенности среди женщин!

Светлана сейчас же обиделась за женщин. Кроме того, ей было смешно, что Тусю и Нюру назвали женщинами. И еще... тепло стало от этих мальчишеских угроз.

Разумеется, Светлана отговорила ребят приходить завтра к девочкам в школу. Но было приятно сознавать, что на случай нужды есть у нее заступники, старшие братья, с такими вот солидными кулачищами.

И, наконец, последний разговор был вечером, в кабинете Натальи Николаевны. Хорошо, что он был последним, что можно было прямо из кабинета идти в спальню, где уже темно, – потому что все, что накопилось на сердце за эти три дня, вылилось солеными и в то же время сладкими слезами.

XVII

– Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик... перед лицом своих товарищей обещаю...

Зал украшен еловыми ветками. Пахнет смолой и лесом, как будто уже наступил Новый год. Ноябрьское солнце далеко протянуло свои негреющие, но ласковые лучи. В этих лучах еще белее кажутся белые воротнички на платьях девочек, еще краснее красное знамя дружины...

Как старательно выговаривают слова маленькие третьеклассницы! Они тоже волнуются, но совсем по-другому. Для них это все такое привычное – портреты, красное знамя... Они даже понять не могут, что можно отвыкнуть от этого за три года.

Ребята рассказывали, что когда принимают в пионеры в мужских школах, мальчик, стоящий в шеренге первым, преклонив колено, целует красное знамя дружины. А другие ребята целуют свои красные галстуки. Жалко, что девочкам в детском доме так не полагается.

Вот он все ближе, ближе, маленький огненный треугольник.

Елена Михайловна несет его в руках, она подходит к Светлане. Светлана ждет, напряженно вытянувшись. Лицо вожатой серьезно и важно, только где-то в глубине глаз ободряющая улыбка.

Из всех воспитателей в детском доме Елена Михайловна самая молодая – она только два года тому назад окончила десятилетку. Она учится в заочном институте, и это как-то особенно сближает с ней ребят. Когда Елена Михайловна сдает зачеты, ребята волнуются за нее.

Красный галстук ложится на плечи, мягко обвивается вокруг шеи.

Елена Михайловна растрогана волнением Светланы, ее руки на секунду задерживаются, расправляя галстук. Глазами она говорит: «Поздравляю», и отходит.

Все ребята в шеренге уже пионеры. Как хорошо стоять рядом с ними!

Пускай Светлана старше их – нелепо было думать, что это может показаться смешным. К тому же она такого маленького роста! Даже среди третьеклассниц и четвероклассниц она все-таки не самая высокая!

В задних рядах движение – выходят два мальчика и девочка сменить ребят у знамени.

Теперь знамя держит Юра Самсонов. Ему очень подходит быть знаменосцем – он такой сильный, широкоплечий. Юра мог бы учиться в восьмом классе, а учится в шестом: тоже много было пропущено. В классе он самый старший, но не похоже, чтобы это тяготило его. А может быть, и тяготит, только он умеет не показывать этого.

А ведь у мальчиков еще заметнее: Юра прямо возвышается над своими одноклассниками. Такие большие ребята отпускают чубчики и устраивают разнообразные прически, а Юра острижен под машинку, как маленький... Ничего не поделаешь, чубчики отпускать разрешается только с седьмого класса.

На шаг впереди своего отряда – Алла Нежданова, невысокая, серьезная, в очках. Она председатель совета отряда, ее очень хорошо слушаются и мальчики и девочки. Алла самая способная из всех ребят в детском доме, самая умная, самая... Это Алла назвала Светлану сестренкой...

Да, детский дом – это семья. Необычная семья, очень большая. Как и во всякой семье, братья и сестры не всегда живут мирно. Бывали и ссоры, и взаимные обиды. Но если когонибудь из детдомовских ребят обижали посторонние – в школе или на улице, – братья и сестры немедленно объединялись и выступали как один человек на защиту.

А теперь еще будем в одной дружине! Слово-то какое хорошее – дружина!

На следующий день в школе Светлану стали поздравлять, как только она сняла шубу и все увидели красный галстук.

Поцеловала Лида Максимова, налетели все три Мухи вместе с Нюрой Поповой, а за ними и другие девочки.

На Галю Солнцева Светлана сердилась тогда, в сентябре, только один день: больше не могла.

Придя в класс после всего этого скандала, Светлана решила держать себя гордо и независимо, но девочки встретили ее так тепло, они так волновались за нее, что вся ее надуманная гордость исчезла бесследно, как исчезает лопнувший мыльный пузырь. А Галя Солнцева сразу спросила:

– Ты очень на меня обиделась, что я про тебя рассказала?

На этом обида и кончилась. Потом подошла Нюра Попова:

– Ты на меня не сердись. Я всегда так: сначала скажу, а потом подумаю.

Оказалось, что и Нюре, и Тусе Цветаевой попало от всех – и от Лиды, и от старшей вожатой, и от Ивана Ивановича, и от директора.

Но больше всего попало им от девочек на классном собрании, которое стихийно началось тогда после уроков. Нюра плакала и жалела Светлану, а Туся, наоборот, не раскаялась.

Вечером приходила в школу Тусина мама и, защищая Тусю, негодовала на всех: и на вожатую, и на Ивана Ивановича, и на директора. Она говорила, что девочки «травят» ее дочь, а учителя и директор, вместо того чтобы просто исключить Светлану из школы, стараются всю вину свалить на бедную Тусю.

Потом прошел слух, что Тусина мама решила перевести Тусю в другую школу. Потом все как-то успокоилось и наладилось, но Светлана чувствовала, что Туся дует на нее...

Вот и сейчас – все девочки из четвертого «А» подходят и поздравляют одна за другой, а Туся Цветаева даже глазами встретиться не хочет: громко разговаривает в стороне, демонстративно отвернувшись.

В такой день не должно быть никаких туч!

Светлана, издали пробираясь через веселую толпу, подошла к Тусе и протянула руку.

– Туся, – сказала она, – я сегодня такая счастливая, и я тоже теперь в пионерской дружине. Надо дружить.

Туся никак этого не ожидала. Она растерянно обняла Светлану и неловко чмокнула ее в подбородок. А потом удивленно говорила Нюре:

– Странная девочка эта Светлана: сама же на меня обижалась, и сама же ко мне первая подошла!

XVIII

– «Солнце начинает спускаться к горизонту».

Евгения Петровна выждала, пока допишут все, и медленно прочитала следующую фразу:

– «В воздухе заметно свежеет».

На ее уроках не тревожно и не страшно – или это кажется так по сравнению с уроками Ивана Ивановича? И сама Евгения Петровна уютная, домашняя, даже не похожа на учительницу. Нет в ней педагогической самоуверенности и властности. На контрольной работе можно потихонечку скосить глаза и посмотреть, как там дела у соседей. А с хорошими соседями не пропадешь. Галя Солнцева, например, почти всегда пишет диктанты без ошибок. При сомнении можно заглянуть в тетрадь черненькой Мухи, которая сидит как раз перед Светланой, – это будет совсем надежно.

В общем, конечно, Евгения Петровна не такая уютная и добрая, как может показаться с первого взгляда... Диктует ровным голосом, ясно и четко выговаривая каждую фразу, но без подсказки.

Она произносит слова так, как мы их говорим, но не так, как они пишутся.

– «Не слышится пения птиц».

Кто его знает, как нужно здесь писать: «и» или «е»?

Светлана задумывается... Это еще в третьем классе проходили... Давно было дело! Нет, все равно так быстро не вспомнишь... Выручайте, верные друзья!

Есть такое хорошее выражение: «чувство локтя». Светлана чувствует рядом со своим правым локтем Галин левый. Галя, почему-то стиснув зубы, должно быть от волнения, старательно выводит посередине трудного слова красивое, с нажимом «и». Светлана вытягивает шею – теперь ей видна тетрадь Лены Мухиной... У Мухи тоже «и». Мушенька ты моя! Галочка ненаглядная! Девочки, какие вы хорошие, опять выручили!

Аккуратно промокнув, Светлана переворачивает страницу. По голосу Евгении Петровны чувствуется, что это уже последние фразы. Хорошо бы написать на пятерку... Ни одной пятерки еще не было ни за одну письменную работу. Даже по русскому языку, не говоря уже об арифметике. Всегда что-нибудь срывалось. Даже при наличии добрых соседей...

Кажется, чисто написала... Нужно будет еще проверить хорошенько.

Евгения Петровна замолчала. Должно быть, всё. Она стоит в другом конце класса, около парты Нюры Поповой и Туси Цветаевой.

Ой, что это? Нюра сидит красная-красная, да и Туся тоже... Евгения Петровна спрашивает:

– Туся, ты ей подсказывала?

Туся молча встает.

– Нюра, она тебе подсказывала?

Нюра тоже встает и тоже ничего не отвечает. Да и что можно ответить?

Евгения Петровна отходит от них и говорит, уже обращаясь ко всему классу:

– Девочки, меня очень легко обмануть, но вы обманываете не меня: вы обманываете самих себя. Если не знаете, лучше вам сейчас даже двойку получить, потом я позанимаюсь с вами, постараемся вместе ее исправить.

Последнюю фразу диктанта Светлана дописывала почти бессознательно. Девочки стали сдавать тетради. Галя взяла свою, привстала, потом села опять, шепнула:

– Светлана, ты проверила уже?

Светлана, не слушая, мотнула головой.

Галя положила обе тетради на стол перед Евгенией Петровной...

Светлана хотела крикнуть: «Не надо! Оставь!»

И не крикнула.

На перемене подошли Аня-Валя. Аня спросила:

– Света, как ты написала: «расгораются» или «разгораются»?

– Я не помню.

«Как, действительно, нужно писать – расгораются или разгораются? Спрашивайте Галю, спрашивайте Муху: как они написали, так и я...»

«Девочки, вы обманываете самих себя».

Аня удивленно спрашивает:

– Светлана, что с тобой?

– Ничего!

Куда, куда уединиться, чтобы никаких разговоров о диктанте? Светлана спешит по коридору и по лестнице вниз. На лестнице ее останавливает Лида, вожатая:

– Светлана, у вас контрольная была? Как, думаешь, написала?

– Лидочка, я не знаю.

Из шестого «Б» выходит Иван Иванович. Вот уже две недели, как вернулась Евгения Петровна в свой класс, а Иван Иванович вернулся к алгебре, геометрии, тригонометрии. Спросит, обязательно спросит, как дела...

Светлана сбежала еще дальше, в раздевалку.

В раздевалке пустынно и тихо, сидит на стуле тетя Мариша с неизменным вязаньем на коленях. Со времени истории с побегом Светлана и тетя Мариша дружат.

– Тетя Мариша, можно у вас посидеть?

– Посиди, отчего же не посидеть? Прячешься, что ли, опять, беглец?

– Нет, я не прячусь... То есть, в общем, да! Тетя Мариша, вы меня научите вязать?

– Давай поучу, отчего же не поучить. На, держи спицы. Девочки ваши всё сегодня тревожились: диктант контрольный у вас... Как, благополучно прошел? Да куда же ты? Ах, беглец, беглец!

И тетя Мариша, внимательно поглядывая на часы, опять остается одна в пустынной раздевалке.

На следующий день Евгения Петровна принесла тетради с диктантом.

– Нюра, я тебе никакой отметки не поставила: я не знаю, где писала ты и где тебе подсказывала Туся... Очень хорошо написала диктант Светлана Соколова. Посмотрите, девочки: аккуратно, чисто!

Евгения Петровна высоко подняла тетрадь.

С передней парты радостно улыбались Мухи. Галя крепко сжала Светланину руку.

Светлана двигалась, как автомат: встала, взяла тетрадку, почти не глядя, спрятала в портфель. Вот она, желанная пятерка! Первая пятерка за письменную работу.

В детском доме Аня и Валя с торжеством сообщили воспитательнице:

– Тамара Владимировна, у Светланы пятерка за контрольный диктант!

– Молодец! Поздравляю! А у вас сколько?

– А у нас с Валею по четверочке...

Тамара Владимировна посмотрела на Светлану:

– Света, тебе нездоровится? Ты и вчера какая-то была...

Тамара Владимировна всегда очень близко к сердцу принимает успехи и неудачи, здоровье и нездоровье «своих девочек», как она говорит.

У Тамары Владимировны тихий голос и ласково-безбровое лицо. Она не старая еще, но и не очень молодая. Она живет с матерью, совсем уже старушкой. У матери брови немного резче намечены и голос более требовательный. Она не любит, чтобы Тамара Владимировна поздно

возвращалась домой, и всегда выговаривает ей за это. Но где у Тамары Владимировны дом? Это не совсем ясно. Вот, например, сегодня: дежурство давно уже кончилось, но уходить как-то еще тревожно. Опять начала кашлять Валя Иванова, и нужно было ставить ей градусник. Нет, жара не оказалось.

Соколова, новенькая, опять стала нелюдимою и мрачною, второй день уже хмурится и молчит.

Ребята уснули. Тихо стало в детском доме. Тамара Владимировна, перед тем как окончательно уйти, проходит по коридору, заглядывает в спальню «своих девочек».

Валя не кашляет, спокойно дышит, пожалуй, и насморка у нее нет...

В углу шевельнулось одеяло, натянулось плотнее на кудрявую темную голову.

– Светлана, ты не спишь?

Не спит и плачет, уткнувшись в подушку.

– Светланочка, ты о чем?

Тамара Владимировна не торопит. Она знает: ласковое прикосновение, молчаливое участие скорее заставят говорить, чем навязчивые расспросы.

Светлана вся сотрясается от беззвучных рыданий и от усилия их сдержать. Потом садится на кровати и, обняв Тамару Владимировну за шею, шепчет ей в самое ухо:

– Я списывала... я сегодня пятерку... Я списывала у Гали и у Мухи!

Они долго шепчутся, совсем неслышно.

– Тамара Владимировна, – говорит наконец Светлана, – вы идите, уже поздно. Честное слово, я засну. Я знаю, ваша мама будет о вас беспокоиться!

И после паузы:

– Тамара Владимировна, вы расскажете вашей маме, что я списала диктант? Я знаю, вы ей все про нас рассказываете.

– Ведь это твой секрет? Как же я могу рассказать?

– Ладно уж, рассказывайте! Всем можете рассказать!.. Я сама завтра всем расскажу!

Тамара Владимировна отпирает дверь своим ключом. Но мать услышала и сразу появляется в передней.

– Слава Богу! – восклицает она. – Я уж думала, случилось что-нибудь с тобой!

– Да что ты, мамочка! Что может со мной случиться?

Мать с негодованием показывает на часы:

– Почему ты опять так задержалась?

Тамара Владимировна снимает шубу. Примирительно улыбается:

– Так ты за меня беспокоилась?

– Конечно, беспокоилась! Как же не беспокоиться!

– Вот видишь, мама, я у тебя одна – и сколько волнений! Как же мне за своих девочек не беспокоиться? Ведь их у меня тридцать пять человек!

XIX

«Светлана гибнет! Спасайте Светлану!»

Галя помочь Светлане не может ничем.

Это очень ответственная контрольная работа – конец второй четверти. Все учтено. Соседи по парте не могут совещаться; не имеет смысла шептаться и подглядывать друг к другу в тетради – соседи по парте решают разные задачи.

Помочь Светлане может Черненькая Муха – они сидят в одном ряду.

Поэтому Галя, увидев по лицу Светланы, что положение безнадежно, написала на промокашке призыв о помощи и переслала его Мухам.

Светлане сначала показалось, что она просто запуталась в вычислениях.

Только не пугаться и не спешить. Хладнокровно проверить одно за другим все сложения, деления, вычитания...

Проверила как могла хладнокровнее. Нет, опять какая-то чепуха получается! Значит, неверен сам ход задачи. Светлана перечеркнула крест-накрест всю страницу.

Кроме задачи, еще пример... Может быть, сначала его сделать, а задачу пока отложить? Но, решая пример, Светлана не могла не думать о задаче. Забыла сократить дробь, получились неправдоподобно огромные числитель и знаменатель. Было очень хлопотно управляться с ними. Когда надумала сокращать, числитель и знаменатель не захотели сокращаться.

А девочки решают себе и решают... Маленькие девочки, они все моложе ее!

Туся Цветаева, кажется, уже все сделала – и задачу и пример. Отложила ручку, обвела гордым взглядом класс. Небрежно просматривает...

Неужели будет отдавать тетрадку? Она любит – встать и первой пройти через весь класс к столу учительницы.

Даже у Нюры Поповой как будто все благополучно. А ведь Туся не помогала ей – они тоже пишут разное. Почему-то у Мухи Черной еще не все готово. Склонившись над партой, она быстро-быстро пишет, но – странное дело! – не в тетрадке, а на отдельном листке, который лежит поверх тетради.

Как же теперь быть? Опять попробовать задачу или переделывать пример?

Евгения Петровна посматривает на часы... Должно быть, времени уже осталось немного.

Юра Самсонов, чемпион по шахматам в детском доме, сказал бы, что Светлана «попала в цейтнот». Она стала делать необдуманные ходы.

Что-то легко прошуршало под партой. Галина рука предупреждающе сжала Светланин локоть. Светлана посмотрела вниз, на коленях у нее лежал листок... тот самый, который Черненькая Муха... Глаза невольно забегали по строчкам.

Как просто и как глупо!.. Сама себя запутала... Совсем-совсем нетрудная задача!

Мухин листок не нужен. Светлана уже поняла, как решать. У нее было даже такое чувство, будто она сама поняла. Ну... в общем, поняла бы и без Мухино листка!

Время еще есть. Задачу, во всяком случае, теперь совсем быстро...

Туся Цветаева встала – первая – и пошла к столу учительницы. Никто, кроме Туси, еще не сдавал тетрадей. Она всегда гораздо раньше других. Значит, время еще есть. Быстро-быстро сделать задачу. Может быть, потом на радостях и пример выйдет! И вот так же спокойно положить тетрадь перед Евгенией Петровной...

«Девочки, меня так легко обмануть...»

Галя смотрит на Светлану с тревожным удивлением, будто хочет спросить:

«Ну, что же ты?»

Светлана быстро пишет на промокашке:

«Мушка, милая, дорогая, спасибо, только я не хочу!»

Потом встает, берет свою тетрадь с перечеркнутой задачей, с примером, зашедшим в тупик, и несет все это безобразие к столу учительницы. По дороге ласковым движением кладет промокашку на парту Лены Мухиной.

Евгения Петровна удивленно спрашивает:

– Ты уже и задачу и пример сделала?

– Нет.

– Почему же ты возвращаешь тетрадь? Подумай еще, время есть.

Светлана тем же решительным голосом отвечает:

– Евгения Петровна, я теперь знаю, как нужно решать, только я не сама – я случайно увидела, как сделала другая девочка, поэтому я не хочу!

... На перемене Галя Солнцева огорченно повторяла:

– Светлана, это из-за меня!

Мнения девочек разделились: одни одобряли и поддерживали Светлану, другие доказывали, что она сделала явную нелепость.

После уроков споры перенесли в детский дом.

К Светлане подошла Алла Нежданова и сказала торжественно:

– Ты поступила как настоящая пионерка!

– Ну и глупо! – возразил Витя Чижов. – Уж пример-то, во всяком случае, могла решить, поскольку время еще было!

– Нет, – сказал Юра Самсонов, – Светлана сделала правильный ход. Так эффективнее. Ну была бы с примером не двойка, а двойка с плюсом. Какая от нее радость?

Итак, что же лучше: незаслуженная пятерка или двойка, честно заработанная? Упрямо стиснув зубы, Светлана решила: не хочу ни того, ни другого. А четверть кончается... Неужели так и не удастся исправить до Нового года?

По вечерам Тамара Владимировна чуть ли не силой уводила Светлану из комнаты для занятий.

– Довольно, надо отдохнуть! Ты почти не гуляешь. Смотри, какая бледная стала!

Иногда в ущерб арифметике одолевали посторонние мысли. На каникулах за Аней и Валей приедет тетя и увезет в деревню. И еще несколько мальчиков и девочек тоже уезжают к своим родственникам.

Светлана родилась и выросла в городе. Но последние три года жила в деревне, и зимой и летом. Москву уже успела полюбить – как можно не полюбить Москву! – но иногда все-таки хочется, даже в зимний день, чтобы расступились дома... Широкое поле... Очень много неба над головой... А между небом и полем – темный лес...

В конце недели удалось хорошо ответить по арифметике. А в четверти Евгения Петровна вывела тройку.

После уроков девочки разглядывали свои табели. Туся Цветаева сказала, пожав плечами:

– Не понимаю: у Светланы сплошные тройки, а радуется так, будто отличницей стала!

Катюша Короткова отозвалась с задней парты:

– Глупая ты, Туся, вот что!

– Ну, уж глупой меня никто еще ни разу не называл!

Туся с довольным видом помахала своим табелем.

XX

Вечер. Сегодня был последний день занятий. Завтра – воскресенье, а послезавтра – Новый год.

Светлана читает за столом, покрытым тяжелой зеленой скатертью. Тут же, рядом, Аня и Валя старательно вышивают одинаковые салфеточки одинаковым узором. Светлана не очень любит рукодельничать. На занятиях в кружке, впрочем, и шьет и вышивает неплохо, но в свободное время больше любит читать.

Так много хороших книг нужно прочесть, она так отстала за эти годы!

В детском доме есть своя библиотечка, правда небольшая – один шкаф.

Светлана со счастливым вздохом закрывает книгу...

Можно, конечно, сейчас же взять из шкафа другую, как и делает, например, Юра Самсонов, которого в детском доме зовут пожирателем книг. Но сразу начинать другую не хочется. Вот если бы у этой было продолжение, тогда другое дело...

Подперев голову рукой, Светлана смотрит на голубые Ани-Валины салфеточки. Странно: прежде, когда приходилось слышать о детских домах, всегда думала, что в детском доме все у всех одинаковое – и комнаты, и платья у ребят... Думала даже, что все ребята почти так же неотличимы друг от друга, как эти вот близнецы.

Оказалось – не так. В каждой комнате стены окрашены по-разному и занавески подобраны в тон: в библиотеке, например, темно-зеленые, в спальне у старших девочек – золотистые, у малышей – белые.

Вот он, малыш! Легок на помине! Из коридора в дверь читальни заглянул мальчуган с льняными волосами. Какие-то они совсем кукулячьего цвета и у него, и у его сестры Олечки, а глаза темные. Олечка постарше, уже в первом классе учится, а Слава еще дошколенок. Остановился на пороге, расплывается в улыбке и ждет, чтобы на него обратили внимание.

– А, Славик! – говорит Юра Самсонов, отходя от книжного шкафа. – Ну, как жизнь?

– Ничего! – сияя улыбкой, отвечает Слава.

Светлана подхватывает его под мышки и усаживает на стул рядом с собой. К этим ребятам – брату и сестре – у нее особенное чувство.

В поезде, когда ехала с Костей в Москву, сержант-танкист рассказывал про своего товарища, у которого ребята в детском доме. Фамилию, конечно, не догадалась спросить, да и сержанта звали просто по имени-отчеству. У многих ребят из детского дома отцы были на фронте, были и отцы-танкисты. Но Светлане почему-то казалось, что сержант рассказывал тогда именно про Славика и Олю. Она пыталась расспрашивать Наталью Николаевну.

– Он говорил, что вы их отцу письма на фронт писали.

Но Наталья Николаевна писала много писем. А вот с фронта не от всех приходил ответ.

Отец Славика и Оли был проездом в Москве несколько месяцев назад. С тех пор писем не было.

В руках у Славика подарок отца – заводной автомобиль. Маленький – на ладони мог уместиться, – обтекаемой формы автомобиль бегал по столу, как блестящий красный жучок. Подъехав к самому краю стола (ребята каждый раз дружно ахали!), автомобильчик вдруг останавливался, и, будто подчиняясь воле невидимого шофера, сидевшего внутри, поворачивался, и летел в обратную сторону.

– Смотрите, ребята, – с уважением сказал Юра, – сколько времени прошло, а все бегают!

– Смотрите! Смотрите! – ликовал Славик. – Сам поворачивает!

– У тебя, Славик, шофер очень опытный, – серьезно сказал Юра.

– Интересно знать, – задумчиво проговорил Витя Чижов, – сколько метров может он наездить без ремонта?

– Не будем торопиться с ремонтом, – сказала Светлана. – Юра, что говорит опытный шофер?

– Опытный шофер советует отвести машину в гараж.

– Юра! – умоляюще сказал Славик. – Еще самый-самый последний раз!

Автомобиль в последний раз безотказно повернул на краю пропасти. Светлана решительно взяла Славика за руку:

– А теперь пойдем искать Олю.

Отведя малыша в комнату младших девочек и посоветовав Оле больше автомобиль не заводить, Светлана вернулась в читальню.

– Как ты любишь возиться с маленькими, – сказала Аня. – А вот мне с ними скучно.

– Не доросла ты еще, Анечка, до маленьких детей! – наставительно сказала Светлана и села на прежнее место у стола, подперев руками щеки.

Любопытно бывает вот так наблюдать за людьми, когда каждый занят своим делом. Аня и Валя розовыми быстрыми пальцами в такт продернули иголки, натянулись голубые паутинки ниток. И еще раз в такт... Потом Валя отстала. Аня уже протолкнула наперстком иглу, а Валя только паутинку вытягивает... У обеих сосредоточенный вид, будто совершают что-то необычайно важное.

В углу заканчивает новогоднюю стенгазету Алла Нежданова. Гладко зачесанные волосы над гладким белым лбом. Алла учится в шестом классе, Светлана – в четвертом. Может быть, Алла и не старше годами, но разница кажется огромной. Алла учится на круглые пятерки. Ее все так уважают и в школе, и в детском доме... Вот если бы можно было стать такой, как она!

Из мальчиков, пожалуй, самый симпатичный Юра, пожиратель книг. Только что дочитал одну книжку, поставил ее на место в шкаф и сразу выбрал другую, в двух томах.

– Юра, ты как, одним глазом первый том будешь читать, а другим второй?

– Что? – отозвался Юра солидным баритоном.

– Я говорю: у тебя два глаза и две книжки. Очень удобно: сразу оба тома будешь читать.

– Кто, я? – опять переспрашивает Юра высоким мальчишеским дискантом.

Смешно у него ломается голос. Юра очень способный и какой-то упрямо усидчивый. В школе им довольны. А в детском доме учитель, который занимается с мальчиками столярным делом, говорит, что у Юры золотые руки.

Почему золотые? Странное выражение. Золотые руки представляются чем-то металлическим, тяжелым, неподвижным... Вчера замолчал радиоприемник. Юра открыл заднюю стенку, потрогал, подвинтил. Проволочки, лампочки какие-то... Это было похоже на колдовство. Приемник опять работает на полную мощность.

Не золотые, скорее можно сказать – умные руки.

У Аллы тоже хорошие руки. Гибкие пальцы уверенно водят карандаш. Вернее, кажется, что карандаш сам бежит по бумаге, заканчивая новогоднюю стенгазету. Алла хорошо рисует. Она хочет после школы пойти в архитектурный институт.

– Аня, ты кем будешь, когда вырастешь?

Аня перестает вышивать, удивляется вопросу, задумывается на минуту.

– Я еще не знаю.

– Валя, а ты?

Бесполезно спрашивать: если не знает Аня, Валя тоже не знает, это ясно. И руки у них еще совсем маленькие, детские, бесхарактерные.

– Юра, а ты кем хочешь быть?

– Что? – переспрашивает Юра, оторвавшись от книжки.

– Я говорю, кем ты будешь, когда вырастешь?

– Кто, я?

У него раздражающая манера переспрашивать и задумываться во время разговора. Кажется, что, прежде чем начать говорить, он падает откуда-то с облаков или выходит из лесной чащобы.

– Да! Ты! – повысив голос, повторяет Светлана.

– В ремесленное пойду.

– В какое ремесленное?

– Что?

Юра опять успел уже подняться на облака или вернуться в свою лесную чащобу.

– Звонок к себе проведи, вот что! – сердится Светлана.

– Какой звонок?

– Чтобы сначала позвонить к тебе четыре длинных, два коротких, потом спрашивать!

Юра добродушно усмехается:

– Ладно, позвонила. Можешь спрашивать.

– Ремесленных училищ много. Ты в какое пойдешь?

– В такое, чтобы потом строить дома.

– Тогда тебе нужно идти, как Алле, в архитектурный институт.

Юра возражает ядовито:

– Помнишь, как у Некрасова: «Папенька, кто построил этот дом?» – «Архитекторы, душечка».

Витя смеется, Алла улыбается. Аня и Валя остаются серьезными: они не читали еще «Железной дороги».

– Значит, учиться после седьмого класса не будешь?

– Что?

– Дзинь, дзинь! Учиться, говорю, не будешь?

– Кто, я? Почему не буду? Я в заочный техникум поступлю.

– Витя, а ты?

Бесполезно спрашивать: если Юра надумал идти в ремесленное училище, вместе с ним пойдет и Витя. Хорошо вот так с кем-нибудь дружить: куда один, туда и другой.

Понятно, что Юре и Алле хочется научиться строить дома: перед войной Алла жила в Минске, а Юра – в Сталинграде.

– Светлана, а ты кем будешь? – спрашивает Витя.

– Я буду учительницей. Кончу семь классов – поступлю в педагогическое училище.

Светлана чувствует, что покраснела, – в первый раз она сказала об этом вслух.

Аня и Валя перестают вышивать, чтобы взглянуть на подругу под этим новым углом зрения.

Наконец Аня говорит:

– Тебе подходит.

Алла одобрительно кивает головой.

Юра отзывается на этот раз без всякого звонка:

– Нет, Светлана не может быть учительницей.

– Почему не могу?

– Потому что на первом же уроке ты своих учеников разорвешь на мелкие части!

Светлана смеется:

– Не разорву.

– Разорвешь, – хладнокровно возражает Юра.

– А вот возьму и не разорву!

– Возьмешь и разорвешь.

– Не разорву! – повышает голос Светлана.

Алла, подняв голову от стенгазеты, укоризненно и предостерегающе говорит:

– Юра!

Но Юра упрям. Он повторяет спокойно:

– Алла, она их разорвет.

Бесит то, что Юра и не думает поддразнивать, он говорит серьезно. Просто он уверен, что Светлана действительно разорвет своих учеников на первом же уроке. Это его глубокое убеждение.

Светлана вскакивает, хлопнув ладонью о стол, и кричит:

– Не ра-зо-рву!

– Светлана, ты не только их, маленьких, ты меня, большого, сейчас на мелкие части разорвешь!

Светлана мгновенно остывает, ей опять становится смешно. Она садится на прежнее место:

– А вот возьму и не разорву.

– Кого? Их или меня?

– Сначала тебя не разорву, а потом их.

– Правильно, Света, – одобряюще говорит Алла.

Витя вмешивается в разговор:

– Чтобы стать учителем, нужно иметь большую силу воли.

Витя любит изрекать разные истины. В детском доме его зовут философом. Говорит он с медлительной важностью и как-то необычно расставляет слова. Иногда кажется, что он переводит с иностранного языка, которым не очень хорошо владеет.

Светлана спрашивает недоверчиво:

– А у тебя она есть, сила воли?

– Да, у меня она есть.

– Например?

– Вот, например, я летом звеньевым был. Ребята играли в футбол, а я оформлял дневник. Мне не хотелось, а я оформлял. Значит, она у меня есть, сила воли.

– Ну, это еще не большое доказательство!

– Начинать нужно всегда с небольшого.

Топот маленьких ног в коридоре, и как будто заплакал кто-то. Распахнулась дверь, Оля и ее подруга ввели Славика, истекающего слезами. На голове у Славика почему-то висел красный заводной автомобиль.

– Нянечку позовите! – кричала Оля.

– Светлана, смотри, что случилось!

А случилось вот что. Автомобиль в комнате девочек все-таки завели. Сначала он очень хорошо ездил по Олиной тумбочке. А потом Славика пришла неожиданная мысль спустить автомобиль с собственной головы. Два раза автомобиль благополучно съехал, как с горки, вниз, а на третий раз тонкие и довольно длинные спереди волосы мальчика были захвачены вращающимся колесом. В результате автомобиль, как пришитый, висел на прядке волос, что было, конечно, очень больно, а главное – страшно. Девочки пытались отцепить его, поворачивая колесо в обратную сторону, но это причиняло малышу только новые страдания. Наконец Оля с подругой взяли Славу за руки и повели по коридору, взывая о помощи.

Аня-Валя вскочили и бросились к двери:

– Где Тамара Владимировна?

– Подождите, – властно остановила их Светлана. – Аня, держи его. Славик, не шевелись.

Она взяла со стола Анины ножницы и осторожно просунула их между колесом автомобиля и нежной розовой кожей, конусообразно поднявшейся в этом месте подобно маленькому вулкану.

Наталья Николаевна вошла как раз в тот момент, когда Светлана подрезала прядку волос у самого корня.

Освобожденное колесо заскрежетало и закружилось, желтым цыплячьим пухом разлетелись подрезанные волосенки. Славик, сразу почувствовав облегчение, радостно засмеялся. Теперь смеялись все, смеялись неудержимо, а Наталья Николаевна весело сказала:

– Тебе, Светлана, хирургом быть: рука твердая!

– Она, Наталья Николаевна, не хирургом, она учительницей хочет стать, – возразила Аня.

– Для этого тоже нужна твердая рука, – сказал незнакомый женский голос.

Светлана обернулась и только теперь заметила, что Наталья Николаевна вошла не одна.

Девочка с волнением всматривалась в лицо гостьи.

Где же, где же они встречались раньше?.. Нет, не встречались!

Немолодая уже, а глаза по-молодому живые и в светлых волосах ни одного седого не видно.

Красивая? Конечно, нет! Но у нее лицо, на которое приятно смотреть.

Вошедшая улыбнулась, и Светлана радостно воскликнула:

– Я знаю, кто вы! Вы Костина мама!

Оказалось, что Зинаида Львовна приехала, чтобы позвать Светлану к себе на каникулы.

– Наталья Николаевна разрешает. Если хочешь, можно прямо и поехать сейчас. Успеешь в полчаса собраться?

Светлана вместо ответа бросилась к ней на шею и вылетела из комнаты собираться.

Тем временем Зинаиде Львовне стали показывать детский дом. Славик тянул ее за руку:

– К нам пойдете!

Наталью Николаевну отозвали, и Зинаида Львовна осталась одна на половине малышей.

У них были отдельная спальня, столовая и комната для игр.

Зинаиду Львовну сейчас же обступили ребята.

Девочки доверчиво сообщили ей последнюю новость:

– А Вася дерется!

Драчун Вася, не обнаруживая никаких признаков раскаяния, уселся рядом с Зинаидой Львовной и завладел ее сумкой. Ему нравилось, что она щелкает, когда ее открываешь и закрываешь.

Вслед за Васей и другие ребята очень быстро освоили технику открывания и закрывания сумочки.

Славик протянул ей книжку:

– Почитайте.

– Как тебя зовут? – спросила Зинаида Львовна.

– Славик, – ответил мальчуган, прижимаясь к ней.

Одна из девочек сказала с застенчивой улыбкой:

– И меня спросите, как меня зовут.

– А тебя как?

Она застеснялась еще больше:

– Ирочка.

Еще одну книжку с картинками просунули откуда-то из-под локтя, сзади, и раскрыли на коленях у Зинаиды Львовны.

– Вы лучше эту почитайте.

Но читать было почти невозможно. Разноголосый шум в комнате и деловая суета, со стороны кажущаяся беспорядочной, напоминали уменьшенный во много раз зал ожидания на Казанском вокзале.

Так суетятся и так разногласо шумят все довольные жизнью ребяташки – в школьном коридоре на перемене или в детском саду. Но было что-то отличающее этих малышей от ребят

детского сада – какой-то особенный, ласковый интерес к каждому взрослому человеку, входящему к ним. И каждый взрослый человек, входящий в комнату, не мог не быть особенно ласков с этими ребятами.

Что удивляет и радует ребят в детском саду? Величина помещения, разнообразие и доброта игрушек. Но главное – энергичные товарищи-однолетки, с которыми так интересно играть. Им весело всем вместе, но чувствуется, что за стенами детского сада у ребят есть другая жизнь. В особенности это бывает заметно к вечеру, когда ребята чуть-чуть устанут, притихнут, начинают чего-то ждать, прислушиваться, поглядывать на дверь...

Здесь, в детском доме, у малышей-дошкольников только одна жизнь – в этих стенах. Они привыкли друг к другу, им хорошо вместе, но даже самые маленькие, которые ничего другого не помнят, бессознательно тянутся к взрослым людям.

Не прошло и пяти минут, как Славик уже сидел на коленях у Зинаиды Львовны и, обняв ее за шею, шептал на ухо:

– Я вас люблю!

Ирочка с озабоченным видом несколько раз выходила в соседнюю комнату и возвращалась обратно. Потом попросила Зинаиду Львовну:

– Вы зайдите к нам в спальню, там Сережа лежит, он болен, он вас еще не видел!

В спальне – в два ряда сияющие никелем и белыми одеяльцами кровати. На одной из них лежал серьезный мальчуган, подперев кулачками подбородок.

Зинаида Львовна под села к нему:

– Чем же ты болен, Сережа?

Он ответил с терпеливым вздохом:

– Животиком.

Когда ребенок хворает в семье, сколько взрослых людей хлопочут около него, волнуются, стараются развлечь! И порой сколько капризов в комнате маленького больного!

В этой комнате тихо. Няня – за дверью. Она только иногда заглядывает проверить: спит Сережа или нет, не повысилась ли температура, приносит поесть. Она одна, а ребят двадцать человек.

Что делает мальчуган? Он даже не умеет читать. Скучает? Должно быть, ребята, когда их так много, очень возбуждаются к вечеру, и самое разумное для больного – это именно поскушать, полежать в тишине. Но не всегда хочется делать разумное.

Пока Зинаида Львовна разговаривала с ним, в спокойный, деловой шум игры ворвались высокие ноты – запищали девочки: драчун Вася опять ущемил чьи-то интересы.

На этот раз Ирочка не стерпела и дала сдачи. К писку девочек присоединился громогласный мальчишеский рев. Захлебываясь от гневных слез, Вася выкрикнул:

– Она меня ботинкой ударила!

– Неправда! – с не меньшим гневом и с сознанием своей правоты возразила Ирочка. (Она почему-то надумала переобуваться, и одна ножка у нее босая.) – Вовсе я его не била ботинкой! Я его чулкой ударила! С пуговицей!

– А мне с пуговицей больно!

Вмешалась няня – успокоила обиженных, пожурила и утешила обидчика. Сообщила кстати, что нужно говорить «ботинок», а не «ботинка», и то же самое относительно чулка. Потом самому младшему из всей компании потребовалось внеплановым образом менять штанишки.

– Беспокойный народец, – сказала Зинаида Львовна. – Должно быть, к вечеру у вас прямо голова кругом идет.

Няня, сидевшая на низеньком стуле, ответила, пристегивая помочи смущенному малышу:

– А знаете, нет!

Зинаиде Львовне понравилось, как искренне и добродушно она сказала это. И лицо у няни было приятное, чуть-чуть насмешливое, чуть-чуть усталое, с еле заметными морщинками около глаз и губ.

Терпение? Профессиональная привычка? Да, конечно. Но, кроме терпения и привычки, чтобы ответить вот так, нужна любовь.

В передней Зинаида Львовна раскрыла свой небольшой, но довольно-таки увесистый чемодан и сказала Наталье Николаевне:

– А это новогодний подарок от моих ребят вашим ребятам.

– От ваших ребят? – переспросила Наталья Николаевна. – Сколько же их у вас? Я думала, что у вас только один сын.

– Сын один, а ребят много. Пожалуй, даже больше, чем у вас в детском доме. – Она пояснила: – Ведь я в библиотеке работаю.

В чемодане оказались книги, правда не новые, но чистенькие, аккуратно подклеенные и переплетенные.

– Вот за это спасибо! – сказала Наталья Николаевна. – Читают у нас жадно. Да книги-то какие хорошие!

Зинаида Львовна улыбнулась и опять стала очень похожей на Костю.

– А разве можно дарить плохие? Я им прямо сказала: скучных книг не повезу. Если хотите дарить – только то, что вам самим нравится.

Уже в вагоне Зинаида Львовна спросила Светлану:

– А тебе не жаль уезжать от ребят, от Натальи Николаевны, от елки?

Светлана ответила честно:

– Жаль, конечно... А все-таки мне хочется к вам поехать.

– Ты не успела поужинать. Хочешь пирожков?

Каждая хозяйка печет пироги по-своему, и каждые новые, незнакомые пироги кажутся особенно вкусными. К тому же в поезде почему-то всегда есть хочется.

– А елка и у меня будет, – сказала Зинаида Львовна. – Конечно, не такая большая, как у вас в зале стоит.

Домашние пироги, ожидание праздника... А в метро и на вокзале Зинаида Львовна вела Светлану за руку – боялась, что потеряется в толпе. В поезде заботливо усадила подальше от двери, чтобы не продуло, а шубку посоветовала расстегнуть и надеть внакидку.

Это так напоминало поездки с мамой...

Первый раз Светлана думала о матери без острой боли, а с грустной нежностью.

А Зинаиду Львовну не только радовала возможность доставить девочке удовольствие. Светлану привез в Москву Костя. Она видела Костю там. С ней можно было говорить о Косте.

От Кости как раз накануне пришло письмо – новогоднее, поздравительное. Костя просил не беспокоиться о нем: «У нас сейчас тихо». Судя по газетам, так оно и было, и эта «тишина» смягчала – ненадолго! – неотвязную тревогу, с которой ни днем, ни ночью не расстаётся мать солдата.

XXI

По сравнению с детским домом квартира Зинаиды Львовны показалась Светлане совсем игрушечной. Две маленькие комнаты и маленькая столовая между ними. В столовой – круглый стол, узенький буфет, диван непревзойденной мягкости и почти полное отсутствие свободного пространства.

– Я на этом диване буду спать?

Диван по сравнению с другими, знакомыми Светлане диванами казался потертым, стареньким и некрасивым. Но в нем была милая старческая доброта и снисходительность. На него можно было и с ногами забраться и кувыркнуться разика два – он не обиделся бы.

– Да, придется спать здесь, – сказала Зинаида Львовна. – Костя писал, чтобы устроить тебя у него в комнате. Но он забыл, что не все разделяют его вкусы. Вот посмотри, на чем он спит, пощупай.

Светлана сделала от дивана четыре шага и очутилась в Костиной комнате.

– Понимаешь, до седьмого класса у него была нормальная кровать с сеткой, а потом решил закаляться – и вот, устроил себе... Да ты сядь, посмотри, что это за прелесть.

Светлана присела на нечто вроде кушетки, покрытое пестрым ковром.

– Да ведь это почти голые доски!

– Вот именно. У них в школе французский язык проходили, так ребята Костину кровать прозвали «quelque chose», то есть «что-то», «нечто», «что-нибудь». А Костину комнату звали «кэ́лькэшо́зницей».

Светлана засмеялась. Ей нравилось, что в этой маленькой комнатке все было так, будто Костя ушел куда-то совсем ненадолго. Вернется – возьмет книжку с письменного стола, или станет писать – чернила есть в чернильнице, или раскроет альбом с фотографиями...

– Хочешь, посмотри фотографии. Тут многое Костя сам снимал... А я пока ужин разогрею.

Зинаида Львовна то выходила из столовой в кухню, то возвращалась опять. Светлана раскрыла альбом.

На первой странице – Костин класс. В середине – большая учительница, а кругом нее мелкота, девочки и мальчики вместе. Ребята сидят на стульях, другие сзади стоят, а внизу, прямо на полу, – три мальчугана, сложив ноги по-турецки. Один из них – Костя.

Ох, и веселое, предприимчивое у него лицо! И надо сказать – очень мало изменился.

Рядом с учительницей, вполоборота, должно быть, первая ученица сидит, отличница на всю школу – по крайней мере, у нее такой вид – гордая! Или это просто кажется, потому что тяжелые косы оттягивают голову девочки назад?.. Очень знакомыми показались Светлане тяжелые косы, прямая линия бровей... Светлана быстро перевернула страницу.

Кэ́лькэшо́з. На нем – Надя. Уже не маленькая девочка. Почти такая же, как та «одна знакомая», что показывал Костя, только великолепные косы не заложены узлом сзади, а свисают вперед, во всю мощь. Надя сидит властно, по-хозяйски, поджав под себя ноги, и с гордой улыбкой и чувством собственности смотрит не в учебник литературы, раскрытый у нее на коленях, а прямо в аппарат – или на того, кто снимает?

На соседней фотографии, на том же кэ́лькэшо́зе, в тот же солнечный день – Костя. Солнце успело отойти только на одну полосу обоев. На коленях у Кости все тот же учебник литературы. Внизу подпись в стихах, сделанная не Костиной рукой:

Я в печальной позе
Сижу на кэ́лькэшо́зе.

Нет, поза не печальная. Правда, Костя не осмеливается (на своем же кэлькэшозе!) сидеть, поджав под себя ноги, он скромно спустил их вниз, но на лице у него – сияние, он смотрит прямо в аппарат (или на того, кто снимает?) с таким выражением, будто ждет, что из объектива сейчас «птичка вылетит».

Увидев Зинаиду Львовну в столовой, Светлана сказала:

– Какие у этой девочки косы чудесные!

– Да. Это Надя Зимина, Костина одноклассница. Они и сейчас дружат.

Опять Костин класс во дворе школы. Все стоят. Маленькая учительница как будто обнесена высоченным забором из девятиклассников. Некоторые уже с усиками. Рядом с учительницей – девочки, конечно не такие большущие, как эти усатые дяди, но тоже совсем почти взрослые. Надя – во втором ряду. За ее плечом – Костя. Они стоят с краю. У обоих сдержанно счастливые лица.

Дальше – несколько групповых снимков: в лесу на лыжах, в саду перед домом, в маленькой столовой. По-видимому, Костины ближайшие друзья. И всюду Надя немножко впереди, а за ее плечом – сдержанно счастливый, а иногда и откровенно счастливый Костя.

Ой, что это?.. Лужайка в лесу, двое ребят затаптывают костер, остальные надевают заплечные мешки, а в стороне под деревом, схватившись за ствол, – Костя. У него расстроенное, покорное лицо, а Надя уходит от него с гордым и независимым видом. Сейчас уйдет, прямо сейчас выйдет из кадра... Поссорились, что ли?

Вот еще моментальный снимок. Опять никто не позирует, все идут по дороге с заплечными мешками, в том же лесу. Надя с девочками ушла вперед, за ними – ребята, а позади всех – мрачный Костя... Даже по выражению спины видно, что жизнь ему не мила!

Светлана торопливо листала альбом. Ей хотелось опять увидеть счастливого Костю.

Да, он развеселился на следующих снимках. И Надя, снятая отдельно, опять доброжелательно смотрит в аппарат.

Светлана медленно закрыла альбом. Ей было жалко Костю на том снимке, в лесу... Поправила заколку в волосах... задумалась... Потом явилась неожиданная мысль: «А что, если начать отпускать косу?» У Мух длинные волосы, Галя тоже отпускает, да и многие девочки в детском доме. Галя и Мухи не советуют, говорят, что Светлане так лучше...

Светлана обеими руками прихватила волосы сзади, разделив их как бы на две косы, и подошла к зеркалу в столовой.

Волосы натянулись, пригладились надо лбом, лицо от этого покруглело, пополнело, стало чужим и странным... Да, Галя и Мухи правы: не идет. Уж, видно, кому какая судьба. Одному – длинные косы, другому – вот такая черная копна на голове...

В коридоре послышались шаги Зинаиды Львовны, и Светлана еле успела отойти от зеркала и вздохнуть волосы.

XXII

Маленькая квартира насыщена радостным запахом елки. Колючки и зеленые лапки на ступеньках около двери и в узком месте у ворот.

А дальше, от ворот, тянется след полозьев. Длинные полосы на снегу. Это елку везли вчера на санках через овраг, а она царапала снег растопыренными ветками.

Светлана вышла за ворота и остановилась посередине белой улицы, щуря глаза от яркого утреннего солнца. Много таких следов на снегу – у каждого ворот царапины и мохнатые лапки. В каждом доме – мохнатая зелень и блеск за окном.

Три года елка была вычеркнута из жизни девочки. Елка и все, что связано с ней. И вот опять...

Хорошо встретили вчера Новый год. Весело было. Удивительно даже, сколько народу поместилось за небольшим круглым столом. Да, не меньше десяти человек сидело только на диване. Люди, впрочем, были разной величины. Зинаида Львовна сказала:

– Это мой актив – самые прилежные читатели в библиотеке.

У старших мальчиков уже по-петушиному ломался голос, а самая маленькая девочка в разгар веселья положила на валик старенького дивана все три диванные подушки и ринулась вниз, визжа от восторга и страха, – для нее это была огромная высота.

Ну и кавардак был в комнатах! Светлане казалось, что Зинаиде Львовне дня два по крайней мере придется заниматься уборкой. А вышло совсем не так. Зинаида Львовна посмотрела на часы, похлопала в ладоши:

– Ну, ребяташки... Я обещала вашим мамам...

Можно было подумать, что она Аладдин и потеряла волшебную лампу; всё остальное сделали духи. Светлана успела поставить на место только один стул и вытереть одну чашку. Да и то девочки говорили ей:

– Оставь, не трогай, ты у нас в гостях!

На широкой улице по-праздничному тихо. Рано еще. И большие и маленькие отдыхают после встречи Нового года. Этот год – тысяча девятьсот сорок пятый – должен быть особенным годом. Вчера поднимали бокалы за победу, за то, чтобы война окончилась в новом году.

Не все местные жители отдыхают. Вот совсем свежие следы в проулке между заборами. Какой-то запоздалый Дед Мороз только что протащил на санях елку. О чем он думал вчера, нераспорядительный дедушка?

Великан этот Дед Мороз – следы огромные, от вмятины до вмятины почти три Светланиных шага. И елку себе выбрал по вкусу. Она не просто царапала снег ветками – она не помещалась на санках, она сгребала снег направо и налево, оставляя за собой широкую полосатую дорогу.

Светлана помчалась вперед по этой дороге. Обогнула забор, очутилась на незнакомой улице... Направо, налево... еще забор, еще поворот...

Большущая елка лежала так близко за углом, что Светлана чуть не споткнулась о ветки, еле успела затормозить.

Дед Мороз, длинный-предлинный, сравнительно еще молодой, стоял тут же, с папиросой в зубах.

Умаявшись и желая отдохнуть, он с задумчивым видом протирал круглые стекла очков.

– Здравствуйте, Дедушка Мороз! – выпалила Светлана.

На нее смотрели удивленные близорукие глаза. Дед Мороз неторопливо надел очки, отчего стал немножко похож на Аллу Нежданову, и приветливо сказал:

– Здравствуй, Светлана.

Теперь удивилась Светлана:

– Откуда вы знаете, как меня зовут? Ведь вы меня никогда не видели!

– Именно потому и знаю, что это ты. Всех остальных здешних ребят видел, а тебя нет. Значит, именно ты – приезжая.

– Но почему приезжая должна быть именно Светланой?

– Потому что именно Светлана приехала. И елку надумали делать как раз в честь твоего приезда. Как же мне не знать?

Он уже опять тащил за собой огромную елку, совсем скрывавшую маленькие узкие сани. Светлана бежала рядом, недоумевающая и заинтересованная.

– По-моему, ваша елка ни в одном доме не поместится. Она проткнет потолок.

Он с тревогой обернулся на елку?

– Думаешь, не поместится?

Они подошли к дому с большой террасой и беседкой в глубине сада. Елка, шурша ветвями, втянулась в ворота.

Хлопнула дверь, на террасу выбежала очень красивая девушка в джемпере, с длинными, по колено, каштановыми косами, и крикнула:

– Так я и знала!.. Что же ты наделал, Алешка? Разве это комнатная елка? Такую в Москву везти и поставить на Пушкинской площади!

– Надя! Надя! – зывал через форточку женский голос. – Как же можно раздетой! Вернись! Простудишься!

Надя обернулась:

– Мама, посмотри, какую нелепую елку Алеша принес!

– Алеша! Что же вы наделали! – Это уже из форточки.

– Не беспокойся, Надюша. Александра Павловна, не беспокойтесь, мы ее подружим!

Не было, не было такого длинного в Костином альбоме, его нельзя было бы не узнать!.. Сосед? Двоюродный брат? Светлана стояла у ворот. Невозможно было уйти.

Надя заметила ее:

– А это Светлана? Я тебя сразу узнала, Костя рассказывал. Что же ты стоишь? Давай будем знакомиться.

«Дед Мороз», «Алешка», «Алеша» был наконец официально представлен. Но что значит фамилия и такие ничего не говорящие слова, как «мой товарищ»?

Невозможно было не войти вместе с ними в дом, когда Надя пригласила войти.

Хорошая квартира, гораздо больше, чем у Зинаиды Львовны. Очень красивая мебель. Зеркальный шкаф, отдельно зеркало из трех частей на лакированном столике. Даже неприятно как-то: всю тебя видно сразу – и спереди, и с боков, и с затылка. Непонятные кэлкэшозы в этой квартире недопустимы. Диван и кресла, обитые шелком, с деревянными, должно быть красного дерева, спинками.

На такой мебели нельзя сидеть, поджав под себя ноги, даже развалиться нельзя, нужно сидеть выпрямившись. Странное дело: квартира большая, а свободного пространства здесь даже меньше, чем в маленьких комнатах Зинаиды Львовны. Уж очень загромождают здесь вещи.

На столике около зеркала, на полках, развешанных по стенам, стоят бесчисленные вазочки, рамки, фарфоровые собачки и котятки, фарфоровые старинные пастушки и пастушки.

И все это быющее, все требует заботливого ухода. Светлана осторожно дотронулась пальцем до собачьей фарфоровой головы... Ни пылинки! Должно быть, Надина мать целыми днями ходит от одной собачки к другой и вытирает пыль мягкими тряпочками. А там и вечер настанет... Когда дойдет очередь до самой последней собачки, с самой первой опять уже нужно стирать пыль.

Должно быть, поэтому у Александры Павловны такое озабоченно-обиженно-страдальческое выражение лица. Красивая даже... только тусклая какая-то она. Вообще у нее такой вид, будто она долго лежала в сундуке, пересыпанная нафталином – от моли, а моль, не боясь нафталина, все-таки погрызла ее немного.

Надя не похожа на мать, и в комнате у Нади ни одной фарфоровой собачки нет. Большая картина на стене, чертежный стол и много толстых учебников...

Надя похожа на отца – лицом, конечно, а не фигурой. Он такой большой и широкий, даже грузный, медведеобразный какой-то. Надиного отца Светлана увидела вечером, когда пришла к Зиминим на елку вместе с Зинаидой Львовной.

За чайным столом сидели какие-то специально подобранные благонравные дети и вежливо разговаривали, не прислоняясь к спинкам стульев. А Надин отец ходил по комнате в огромных, выше колен, арктических валенках. Тесно ему было здесь, и главной его заботой было не зацепить широкими своими локтями благонравного ребенка с одной стороны и какую-нибудь драгоценную вазочку – с другой.

Надин отец приехал только на днях, вернее, прилетел из Сибири, по своим служебным делам и задержался в Москве.

Ему подходит строить что-нибудь в тайге или в тундре и, обдумывая планы строительства, шагать по скрипучим полам нового дома, где пахнет смолой и очень мало мебели.

Разговор с благонравными детьми не получался; выпив чай, Светлана отошла к шкафу и стала разглядывать книги за стеклом. Разговор взрослых как-то раздвоился. Сергей Петрович, Надин отец, спросил Зинаиду Львовну про Костю. Спросил, как спрашивают о близком человеке, а не просто из вежливости: пишет, мол, или нет, а узнав, что пишет и что все в порядке, начинают говорить о другом. И Зинаида Львовна рассказывала ему о Косте с подробностями, уверенная, что это ему интересно.

Александра Павловна, мать Нади, разливала чай и занимала своих гостей. Это их дети так чинно сидели за столом. Александра Павловна жаловалась на продовольственные затруднения, а ее гости советовали ей и друг другу, что где можно достать. Кто-то откуда-то привез сливочное масло и продает. Очень неплохое масло.

Александра Павловна вздохнула:

– Я прежде брала только вологодское, высший сорт, а теперь приходится брать что придется.

Она придвинула вазу с домашним печеньем полной чернобровой даме, сидевшей напротив:

– Кушайте, пожалуйста.

И видно было, что и гостей своих она тоже разделяет по сортам, как разделяют по сортам сливочное масло в магазинах гастронома. Полная чернобровая гостья – высший сорт, «экстра». Другие две – первый сорт. А Зинаида Львовна?.. И уже враждебно по отношению к Надиной матери Светлана определила, что Зинаида Львовна, да и она сама в придачу – гости второго сорта.

Гостей третьего сорта в этом доме быть не могло: ведь и масла третьего сорта в хороших магазинах не держат.

Ну, а Костя? И этот Алеша Бочкарев?

Костя, несомненно, тоже второй сорт... Пожалуй, и Алеша. Но вот Александра Павловна подошла к Надиной двери и сказала:

– Ты что же, Надя, Алеше еще чаю не предложишь?

Значит, Алеша Бочкарев если не высший, то, во всяком случае, первый сорт. Алеша и нравился Светлане и в то же время вызывал досаду.

Когда потушили огни на елке, он и Надя ушли заниматься в Надину комнату. У школьников каникулы, а у студентов как раз самое горячее время начинается – зимняя сессия.

Светлана никак не могла понять, почему Надин отец живет так далеко, а вот прилетел же под Новый год. И Надя поедет к нему на каникулы. Даже Александра Павловна в начале войны жила там...

Она жаловалась, как трудно было жить в таких условиях. Должно быть, все-таки в Москве было потруднее во время бомбежек! А теперь в Москве все-таки легче... хотя и нет вологодского масла.

Или потому вернулись, что Наде надо учиться?..

XXIII

Накануне отъезда Светлана вместе с Зинаидой Львовной зашла попрощаться к Зиминим.

– Тетя Зина, – сказала Надя, – зачем вам после работы взад и вперед в Москву ездить?

Устанете. Алеша ее отвезет.

Алеша сейчас же отозвался из Надиной комнаты:

– С удовольствием!

– Никому не надо меня отвозить! – запротестовала Светлана. – Я теперь дорогу знаю, я одна!

Разумеется, ее протест не был принят во внимание.

Зинаида Львовна спросила:

– Но ведь Алеше электротехнику сдавать через два дня?

– Ничего, ничего, – решительно возразила Надя, – ему даже полезно проветриться.

И вот все отодвинулось назад – радостный блеск елочных огней, новые товарищи, милое лицо Зинаиды Львовны...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.